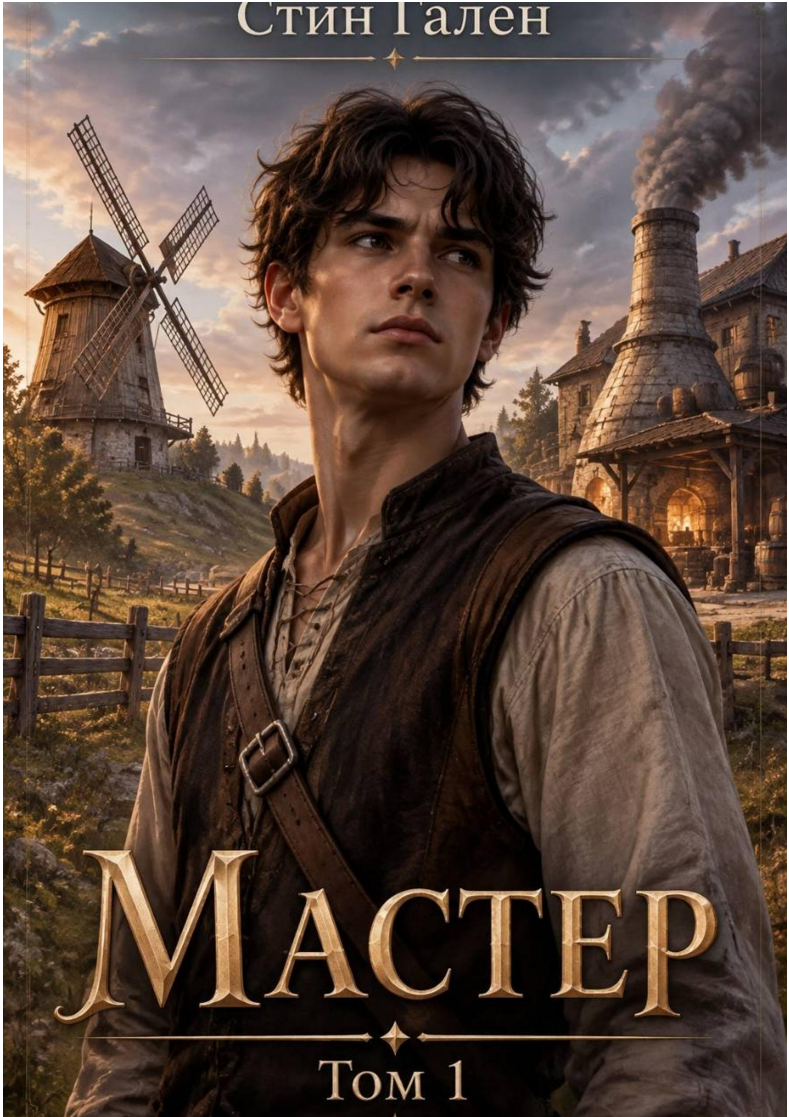
Стин Гален



Мастер

Том 1

Стин Гален
Мастер. Том 1

https://litres.ru/74929693
SelfPub; 2026

Аннотация

Сергей погиб на трассе и получил второй шанс: тело шестнадцатилетнего, чужой мир и долг, о котором ничего не сказали.

В Соляном Броде вода, свет и обереги от нежити принадлежат Дому Светлого Ключа: тариф, счётчик, концессия. Работать без допуска нельзя, а допуск дают за пять лет отработки.

Сергей не умеет колдовать, зато умеет считать. Он чинит мельницу, собирает артель из орков и берётся за то, что Ключу невыгодно: за провал под городом, из которого уходят люди. Чтобы закрыть его, нужны не обереги, а смета.

К концу зимы на его столе будет договор на пять лет и одна ночь, чтобы решить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	21
Глава 4	39
Глава 5	56
Глава 6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Стин Гален
Мастер. Том 1

Глава 1

В цеху пахло лаком, горячей пылью и кислой пропиткой. Сергей повесил куртку на гвоздь у верстака, включил лампу над испытательным столом и достал из ящика мегомметр.

Двенадцать щитов стояли с обеда. Собраны, проверены, а изоляция не держала ни у одного. Стас из сборки ходил вокруг них, как вокруг больного.

— Ну что? — спросил он.

— Посмотрим.

Сергей присел, откинул крышку крайнего щита и посветил фонариком вдоль шин. Пахло оттуда нормально, горелым не тянуло. Он прозвонил одну жилу, другую, третью, потом добрался до клеммы на вводе и тронул её пальцем. Клемма сидела на резьбе, но не дотянутая: винт держался на двух нитках, а жила под ним была зачищена криво и надорвана у самого края.

— Стас, кто вводы тянул?

— Витёк.

— Пусть переделает все двенадцать. Не одно, все. И не «сейчас», а сегодня, иначе в понедельник поедет брак.

Стас ушёл. Сергей сел на табурет и стал ждать, потому что с Витьком иначе не работало: если уйти, к утру будет сборка на соплях и лак поверх.

Работал он здесь восьмой год. Пришёл после армии в цех, на сборку, потом перевели на испытания, а через два года он уже сам заваривал наладку на новой линии и знал участок лучше инженера. Не начальник, а спрашивали всё равно у него. Пётр Ильич, мастер, уходил в отпуск с лёгким сердцем, потому что Сергей и так держал смену.

В обед он взял в столовой первое и котлету и сел у окна, где никто не садился из-за сквозняка. За обедом пришло сообщение из банка: заявка одобрена, сумма та, которую он просил, ставка чуть выше, чем надеялся, платёж — четыре тысячи двести.

Он посмотрел на цифру, прикинул, что остаётся от зарплаты, и решил, что потянет. Машину он взял в мае, ещё гасил за неё два года, но гасил спокойно. Работа есть, работа останется. Пётр Ильич уйдёт на пенсию через год, и его место просили, не он один, но Соколов первый в списке.

В пятницу он мыл машину во дворе. Она была тёмно-синяя, не новая, с парой сколов на капоте, которые он закрасил сам, и с ровным кузовом, который видно сразу. Он выливал на неё ведро за ведром, вытирал с крыши на стёкла, отжимал тряпку и снова вытирал. Сосед с четвёртого этажа спросил, что, новая. Сергей сказал, что новая, и оба засмеялись.

К вечеру он достал из бардачка блокнот и записал в него

всё по-настоящему: сколько вносит, сколько платит в месяц, сколько остаётся на жизнь и на бензин, сколько отложить на ремонт. Он считал на два варианта, с матерью в области и без неё, потому что мать звонила в среду и спрашивала, не женился ли он, но всерьёз она этим не болела.

Дома стены были съёмные, чужие, с полкой, которую он поставил сам и не стал бы там ставить, если бы думал, что задержится.

Двадцатого числа он отпросился на час пораньше: риелтор обещала показать квартиру в новом доме за рекой на втором этаже, окна во двор, без кладовки, но с балконом. Сергей доехал, осмотрел, постучал по стенам, проверил, куда идёт вытяжка, и сказал, что подумает до следующей недели. Вышел во двор, сел в машину и позвонил матери.

— Ну? — спросила она.

— Похоже, беру.

Он повернул на объездную, потому что через центр стояло наглухо. Закат он не застал, шёл дождь, первый за неделю, мелкий и упорный, такой, что дворники работали без толку, а фары встречных размазывались по стеклу. Он даже не думал ни о чём важном, просто ехал девяносто, держал дистанцию и держал в голове цифру: четыре тысячи двести.

Поворот на выезде из города был длинный и пологий, с бетонным отбойником с одной стороны и полем с другой. Из-за поворота вышла фура, и вышел её длинный прицеп, который на мокром асфальте развернуло поперёк обеих по-

лос.

Сергей ударил по тормозам. Педаль провалилась до пола, а машина шла ровно, как прежде, только фары стали младше и ниже, и в свет фар попали задние огни прицепа, которые были на высоте его окон.

Глава 2

Сергея не стало сразу. Сначала был удар, короткий и тупой, будто в цеху вырубило свет, и наступила тишина, в которой он ещё успел подумать про бампер, про страховку и про то, что в понедельник отчёт.

Потом тишина стала мягкой, и он открыл глаза.

Он лежал на траве. Трава была настоящая, она щекотала щёку и пахла, а небо над ним было такого цвета, какого в городе не бывает: чистое, без дыма, без проводов, без единого самолёта. Он сел и почувствовал, что не болит ничего. Ни рёбра, ни голова, ни рука, которую месяц назад придавило щитом.

Поляна была ровная и зелёная, в берёзах по краю, и солнце стояло высоко. Только тепла от солнца не шло, и птиц не было слышно, и комаров, хотя трава стояла по колено.

В десяти шагах от него стоял человек. Серый костюм, серое лицо, папка в руках, как у инспектора из управы.

— Вы умерли, — сказал человек. — Соболезную. Автокатастрофа, если вам интересно. Вашей вины нет.

— А машина? — спросил Сергей.

— Считайте, что списана.

— Понятно. — Он сел ровнее. — А я? Ну, вообще.

— Это мы и будем обсуждать. — Человек открыл папку. — У меня к вам два предложения.

Сергей ждал. В цеху так же разговаривали: сначала два предложения, потом подпись, а потом оказывалось, что ты согласился на сверхурочные без доплаты.

— Первое, — сказал человек. — Покой. Тихо, ничего не болит, никто не звонит, никто ничего не требует. Дальше пути нет, но вы этого не заметите. Многие берут.

— Похоже на увольнение по собственному.

— Называйте как хотите.

— А второе?

Человек перевернул лист.

— Второе — работа. Точнее, жизнь. Есть другой мир, в нём вы получите тело юнца, шестнадцать лет. Будете заново расти, учиться, устраиваться. Мир живой, людей там хватает, дел тоже.

— Шестнадцать, — сказал Сергей. — Мне тридцать было.

— Было.

Он посмотрел на свои руки. Руки были его, взрослые, с мозолями и со шрамом на большом пальце. Он сжал и разжал кулак. Работало.

— А в чём подвох?

— За вами будет долг, — сказал человек. — Когда вас позовут, вы придёте и сделаете работу.

— Какую работу?

— Ту, которую нужно будет сделать.

Сергей выждал. Человек молчал и держал папку так, будто в ней были ответы, но их нельзя показывать до подписи.

— Когда позовут?

— Когда придёт время.

— А если я не приду?

— Придут за вами. — Человек сказал это спокойно, как говорят про поверку счётчика. — Долг не отменяется смертью. У вас ведь уже был опыт.

— У меня ипотека была, — сказал Сергей. — И что, я из одного кредита в другой?

— Я не знаю, что такое ипотека.

— Кредит. Долг. Когда берёшь деньги и потом не можешь выйти.

— Похоже, — согласился человек. — Только там вы брали деньги, а здесь вы берёте жизнь. И условия обсуждению не подлежат.

Сергей сидел на траве и смотрел на берёзы. Птиц не было. Он подумал о матери: она живёт в области, звонит по средам, спрашивает, не женился ли он. Если он выберет покой, ей позвонят из полиции через неделю, может, через две, и она поедет в морг, и там будет всё то, о чём он старался не думать.

Он подумал и о другом: что за тридцать лет ничего после себя не оставил, кроме полки, которую поставил в съёмной квартире и которая наверняка никому не нужна.

— А там, — спросил он, — жить как? Работать дадут?

— Дадут. Там нужны люди с руками.

— С руками, — повторил Сергей. — А с головой?

— С головой тоже, но меньше.

Он хотел спросить ещё много: что за мир, кто там правит, есть ли медицина, в какое тело он попадёт и что случилось с его прежним хозяином. Человек закрыл папку, и Сергей понял, что вопросов больше не будет.

— Выбирайте.

Покой был честнее. Покой был как отпуск, который никогда не кончится. Он почему-то вспомнил не отпуск, а субботу в цеху, когда все ушли, а он остался доделать, потому что линия завтра должна была работать, и то чувство, когда сделал и вытер руки: вот это, наверное, и было счастье, только тогда он этого не понимал.

— Согласен, — сказал он.

— На что именно?

— На второе. На жизнь.

Человек сделал пометку в папке. Не ручкой, а как будто провёл по бумаге пальцем.

— Одно уточнение, — сказал он. — Вы не будете помнить всё это. Останется смутное, как сон, и лучше не рассказывать.

— Кому рассказывать? — спросил Сергей. — В шестнадцать лет?

Человек впервые посмотрел на него с чем-то похожим на одобрение.

— Вот с этого и начнёте, — сказал он. — Не рассказывать.

И поляна ушла из-под него, как пол в лифте.

Он пришёл в себя от того, что в рот набилась земля.

Сергей перевернулся на бок, выплюнул песок и долго кашлял, упираясь ладонями в грязь. Пахло мокрой землёй, конским потом и дымом. Он сел и осмотрелся: обочина, разъезженная колея, за колеёй поле с чёрными стернями, дальше лес. Не его мир, это было видно сразу, по одному только небу: слишком пустому, без проводов и без самолётного следа.

Он посмотрел на свои руки. Руки были маленькие. Не детские, но небольшие, с обгрызенными ногтями, с мозолями на ладонях и с ссадиной на костяшке. Он поднёс их к лицу, растопырил пальцы, сжал. Слушались.

— Так, — сказал он вслух.

Голос был чужой. Он шёл высоко, срывался, как у подростка, у которого ломается.

Он потрогал лицо: гладкое, без щетины, подбородок острый, лоб в грязи. Потыкал в голову, там вздулась шишка и запеклась кровь, но кровь была чужая, старая, на волосах.

Тело болело не так, как после аварии. Оно болело, как после долгой работы, когда таскал мешки, и всё ноет равномерно и по делу. Хотелось пить и есть, и ещё — узнать, где он.

Сергей встал. Его шатнуло, он поймался за столб на обочине. Столб был деревянный, струганный, без надписи. Дальше на дороге лежала перевёрнутая телега: одно колесо отлетело, на оси висели обрывки постромков. Вороны сидели на колесе и смотрели на него без всякого интереса.

Он подошёл. На траве у телеги было тёмное пятно, уже подсохшее, а рядом валялся кусок ткани, серый от пыли. Он поднял его: тряпка, не нужна.

Под телегой он нашёл котомку. В котомке лежал сухарь, деревянная ложка, кремень с кресалом, обмотанный в тряпку, и две медные монеты. Он посмотрел на монеты. На одной был выбит круг, на другой — что-то похожее на воду.

Он взял сухарь, но жевать не стал, сунул в карман. Сначала вода.

Дорога шла по полю, потом уходила в лес, и впереди, над лесной полосой, стоял дым. Один, тонкий, далеко. Значит, там люди.

Сергей поправил на плече котомку, проверил, не потерялось ли что из карманов, и пошёл.

Идти в чужом теле оказалось странно. Тело было легче и быстрее, чем он привык: он ставил ногу и не рассчитывал на шаг, потому что шаг был короче. На нём были штаны из грубой ткани, рубаха с закатанными рукавами и стоптанные башмаки без шнурков, и башмаки жали с одного бока.

Через сотню шагов он стал замечать остальное. Поля по обе стороны были выжжены полосами, будто по ним прошла с косами, только косили не траву. В колее лежал обломок оглобли, дальше — железный шлем, изъеденный ржавчиной, и он не стал его поднимать. В лесу на обочине стояли деревья с ободранной корой, и на грубой древесине были вырезаны знаки, которые он не понял, но отчего-то не захотел к ним

прикасаться.

Он шёл и слушал себя. Мысли шли как обычно, по-русски, по-своему: про мать, про цех, про то, что отчёт в понедельник уже не его отчёт. Но когда он, споткнувшись, сказал вслух «аккуратно», голос произнёс слово, которое он до этого никогда не слышал, и слово это значило ровно «аккуратно». Он остановился.

— Аккуратно, — сказал он ещё раз, и опять вышло чужое слово.

Он попробовал иначе: «дерево». Вышло другое слово, короткое, с придыханием. «Вода» — тоже другое. «Хлеб» он не знал совсем, а «дорога» выходила сама, легко, будто он всегда так говорил.

— Ну хоть что-то, — сказал он вслух и пошёл дальше.

Деревня показалась из-за поворота к вечеру, когда дым, к которому он шёл, стал ближе и явственней. Он увидел её сквозь деревья: ряд крыш, покосившаяся жердь колодца, огороды без оград. Ещё издалека стало ясно, что никто там не живёт: ни собаки, ни курицы, ни голоса. Печные трубы стояли холодные, и только над одним домом вился дым, но не тот, что над жилым, а серый, тягучий, будто в доме тлела хорошая печь и никто не тушил.

Сергей вошёл в деревню, когда уже смеркалось.

Улица была одна, широкая, с колеёй посередине. По обе стороны стояли дома, крепкие, не развалённые, с закрытыми ставнями, с поленницами под навесами. У колодца лежала

опрокинутая бадья, и ворот стоял с поднятой верёвкой, как будто воду брали последний раз вчера.

Он первым делом подошёл к колодцу, отцепил бадью, зацепил её за крюк и стал крутить ворот. Тот заскрипел, пошёл туго, и внизу глухо стукнуло. Сергей поднял бадью наверх, поставил на край сруба. Вода отстоялась, и он пил из бадьи, как в детстве из ведра, обхватив края обеими руками. Вода пахла железом и была студёной.

Он сел на сруб и выдохнул. Питьё разбудило голод, и голод стал не просто неприятным, а срочным делом.

Дом с дымом стоял третьим от колодца. Дверь была приоткрыта, и на крыльце лежала тряпка, будто кто-то вытирал ноги и не стал поднимать. Сергей толкнул дверь.

Внутри было тепло. Печь топилась, дверца была прикрыта, и в поддувале светились угли. На столе стояла миска с кашей, ложка лежала рядом, поперёк, а на лавке валялась вязанка сушёных грибов. Он постоял на пороге и прислушался: ни шагов, ни дыхания, ни скрипа. Только гудела печь.

Он не стал есть за столом, ему было не по себе, и это было глупо, потому что голод не спрашивает. Он взял миску, вышел на крыльцо, сел на ступеньку и съел всё до дна. Каша была с мясом, остывшая, но настоящая.

Потом он вернулся в дом, вымыл миску в бочке у печи, вытер её тряпкой и поставил на стол, а рядом положил медную монету. Монет было две. Он подумал и оставил одну.

Дальше он обошёл деревню. Дома были пустые, но не бро-

шенные: в одном стояла выскобленная посуда, в другом лежал недошитый рукав, в третьем на гвозде висела детская зипунья. Из сундуков ничего не вынесли. Он нашёл в кладовке мешочек с крупой, кусок сала, соль в горшке, но брать больше ничего не стал, только соль: дёшево, а идти далеко.

За домами, у самой околицы, там, где начинался огород, стояли кресты. Он не сразу понял, что это кресты, потому что они были простые, из двух дощечек, и невысокие. Он подошёл и насчитал девять. Земля под ними была свежая, не слежавшаяся, и на одной дощечке ещё держалась углём выведенная буква.

Девять крестов, подумал он. А деревня на двенадцать дворов.

Он вернулся к колодцу и впервые за весь день, впервые после цеха, подумал не о дороге, а о том, куда он попал. В деревне, где все дома заперты, где печь ещё топится, но всех похоронили, а тряпка на крыльце лежит так, будто её бросили вчера, не могло быть ничего хорошего. Уйти надо было до темноты, но темнота уже стояла.

Он выбрал сарай. Там было сено, было не так одиноко, как в доме, и дверь запиралась на засов. Он задвинул засов, зарылся в сено, подгрёб поближе к себе котомку и долго слушал, как в деревне шумит тишина: ветер в березах, скрип колодезного ворота, далёкий вой то ли собаки, то ли ещё кого. Спал он плохо, просыпался от каждого шороха и под утро всё же провалился в тяжёлый сон, в котором ехал на своей

машине, а впереди, на повороте, стоял прицеп и не двигался.

Проснулся он от холода.

Серое утро, иней на сене, во рту сухо. Он вышел из сарая, ополоснул лицо у колодца, взял котомку и пошёл к околице. Оглянулся один раз: колодец, дома со ставнями, кресты на огороде, дым из трубы, который за ночь ни капли не изменился.

Дорога за деревней пошла под уклон и вывела на холм. С холма он увидел всё сразу: реку, широкую и светлую, баржи у берега, соляные варницы с дымом, стены, черепицу, крыши в два и в три яруса. Город стоял на берегу, живой, шумный даже на вид, и от него тянуло чем-то знакомым: дымом, хлебом, теснотой.

К обеду дорога вышла на тракт, и на тракте появились люди. Сначала один мужик с мешком репы за спиной, потом баба с корзиной, потом воз, гружёный мешками, и мальчишка, который сидел на мешках и болтал ногами. Сергей пошёл за ними, держась в стороне, и слушал, как они переговариваются. Понимал он через слово, но понимал.

У ворот стояла очередь. Каменная стена поднималась над дорогой на три роста, створка была открыта только наполовину, и в проёме стояли двое в кожаных куртках с алебардами, а третий, в длинном сукне, сидел за столом у стены, и перед ним лежала раскрытая книга. Над воротами висел щит с выцветшим гербом, и герб было не разобрать.

Сергей встал в конец очереди.

Двигались медленно. Впереди мужик с репой долго шарил за пазухой, достал бумажку, сунул её писарю, и тот, посмотрев, стукнул по бумажке печатью, висевшей у него на шнурке. Мужик прошёл, и очередь подвинулась.

— Давай, — сказал писарь, когда подошёл Сергей.

Он смотрел не на Сергея, а в книгу, и у него были красные пальцы и очень усталые глаза.

— Что давать? — спросил Сергей.

Писарь поднял на него глаза.

— Вид, — сказал он. — Или подорожную. Или что у тебя есть.

— Ничего нет, — сказал Сергей.

Писарь вздохнул и посмотрел на него внимательнее: на стоптанные башмаки, на рубаху, на лицо.

— Тогда пошлина, — сказал он. — За въезд медяк. За жетон медяк. Ежели к закату из города не выйдешь, ещё медяк, а не заплатишь, стража выставит.

У Сергея было две монеты. Одна ушла за кашу. Он полез в карман, достал оставшуюся и положил на стол. Писарь взял её, попробовал на зуб, кинул в ящик с прорезью и достал из-под стола деревянный кружок величиной с крупную монету, с выжженной цифрой.

— Имя, — сказал он.

— Сергей.

Писарь записал. Перо у него шло медленно, буквы были широкие, как грабли.

— Чей?

Сергей не понял.

— Чей, спрашиваю. Двор чей, род чей, кто хозяин.

— Ничей, — сказал он.

Писарь на него посмотрел и как будто обрадовался.

— Откуда идёшь?

— С тракта. — Сергей подумал и добавил: — Из деревни. За холмом. Там никого нет, все умерли.

Писарь на мгновение перестал писать, потом дописал и стукнул печатью по жетону.

— Без роду, без двора, — сказал он ровно, будто это было обычное дело. — Значит, так и запишем. Кто первый спросит — говори, что за пошлину вписан, жетон покажь. Кто спросит второй раз — плати ещё, иначе выставим.

Он подтолкнул жетон по столу.

Сергей взял его и повернул в руке. Дерево было гладкое, со следами чужих пальцев, цифра стёрлась до половины.

— А работать? — спросил он. — Работать где тут.

Писарь впервые за всё время усмехнулся, коротко и невесело.

— С жетоном на день? — сказал он. — Сначала жетон на месяц купи. Потом спрашивай про работу.

Стражник у проёма окликнул его: проходи, не задерживай. Сергей сунул жетон в карман, поднял котомку и шагнул в проём. Створка за спиной была тяжёлая, из тёсаных досок, с железными полосами, и когда её прикрыли, звук был ко-

роткий и глухой, как крышку.

За воротами был город: пыльная улица, лотки, крики, телеги, узкий проход между домами, и над всем этим, поперёк, висела вывеска на двух кольцах, свежая, крашеная в синий: «Дом Светлого Ключа. Контора. Приём по будням».

Глава 3

Город пах не так, как ему представлялось с холма.

С холма он видел чистую картинку: река, стены, дым. Вблизи улица была пыльная, тесная и шумная, с лотками, прилавками, руганью и водой, вылитой прямо под ноги. Между домами висели верёвки с бельём, под верёвками стояли бочки, у бочек сидели нищие и просили не милостыню, а работу.

Сергей шёл за людьми. Улица вывела его на площадь, где торговали соли: на рогожах лежали серые кули, рядом стояли весы с гирями, и человек в фартуке кричал, что у него соль из первых варниц, а не из последних.

— Почем? — спросил Сергей, потому что слово вышло само.

Торговец посмотрел на него и сказал цену.

— А это много? — спросил Сергей.

Торговец засмеялся и махнул на него рукой.

Он отошёл и попробовал ещё раз, у лотка с хлебом. Хлеб был тёмный, тяжёлый, с трещиной по корке, и пах так, что у Сергея засосало под ложечкой. Цену он услышал, но не понял, много это или мало: медяков у него не было ни одного.

— Работа нужна, кому тут нужен работник? — сказал он хлебнику.

— Спроси у тех, кто нанимает, — ответил хлебник и по-

вернулся к следующему.

Кто нанимает, было непонятно. Сергей пошёл по улице и стал спрашивать подряд: у возчика с телегой, у мастерской, где пахло стружкой, у питейного дома с вывеской. Возчик сказал, что у него смена набрана. Столяр, худой мужик в опилках, спросил:

— Патент есть?

— Какой патент?

— Цеховой. — Столяр вытер руки о фартук. — Без цехового патента тебя не возьмут, а возьмут, так влетит мне.

— А где его берут?

— В цехе. Где ж ещё. — Столяр посмотрел на его башмаки и добавил: — Тебе сначала в цех надо записаться, а в цех принимают с двором. У тебя двор есть?

— Нет.

— Тогда нет.

Дальше было то же самое. В мастерской у реки спросили патент. У каменщика спросили поручителя. В лавке, где продавали верёвки и снасть, сказали «у нас свои». Никто не грубил, все отвечали спокойно, будто он был десятый такой за сегодня, и это было хуже грубости.

На углу, где улица расширялась перед мостом, стояла толпа. Не рынок и не драка: люди стояли кучно и молча, как на пожаре, а посередине, у крыльца, двое в синих куртках разматывали с двери что-то вроде широкой ленты, а третий, с книгой, читал вслух.

Сергей подошёл.

— …за три срока не плачено, — говорил человек с книгой, — посему по условию концессии снабжение дома прекращается до полного погашения, о чём и составлен акт.

На крыльце стояла женщина в платке, и за её юбку держался мальчишка лет семи. Она ничего не говорила. Она смотрела, как синие отвинчивают от стены медный диск и укладывают его в ящик с соломой, и лицо у неё было такое, будто внутри у неё тоже что-то отвинчивают.

— Господин, — сказала она наконец. — Господин, у меня муж на варницах, он в смене, он придёт, он заплатит.

— Придёт — заплатит, — согласился человек с книгой. — А до тех пор, как по условию.

— Так зима.

— По условию, — повторил он, и в голосе у него не было злобы, только усталость, как у писаря у ворот.

Орк в синей куртке, тот, что снимал ленту, подошёл к двери и стал отвязывать от ручки тряпицу с узлом. Сергей пригляделся. Тряпица была простая, серая, с вложенной внутрь щепкой, и узел на ней затянут так, как затягивают, когда торопятся: с одной стороны петля вышла толще, с другой тоньше, и тряпка на ручке сидела криво.

Он смотрел на этот узел и вдруг увидел то, чего не видели ни толпа, ни хозяйка, ни синие. Он увидел, что оберег на двери поставлен на скрутке, как ставят проводку в старом доме, когда хозяин экономит на клеммах: держится, пока не

тронь. Он видел такие скрутки в подвалах, в щитках, в гаражах, и знал, что они работают ровно до той зимы, когда нагрузка станет чуть больше.

Знак сняли, положили в мешок. Мальчишка заплакал, тихо, в юбку матери.

— Может, скинемся? — сказал кто-то в толпе. — По медяку-то.

— Скиньтесь, — сказал человек с книгой. — Тогда долг перепишем на вас, с поручительством. Кто хочет?

Толпа помолчала. Никто не вышел вперёд, и Сергей их не осуждал: он знал, как это устроено. Скинуться по медяку на чужой долг легко до тех пор, пока не узнаешь, что тебя впишут в книгу.

Синие собрали ящик, мешок и пошли к следующему дому. Женщина села на ступеньку, мальчишка стоял рядом и смотрел, как они уходят.

Сергей пошёл за синими, потому что ему было по пути и потому что он хотел посмотреть, как они работают.

У второго дома синих встретили на пороге, с деньгами. У третьего — не открыли, и они стучали долго, по-разному, по очереди, пока в окне не показалось лицо и не вынесли узел с монетами. У четвёртого, где жил какой-то мастер, синие даже не стали снимать диск: он вышел сам и долго говорил с человеком с книгой, и по тому, как он держал руки, было видно, что говорит он не про милость, а про отсрочку и проценты, и в конце человек с книгой что-то записал, а диск

остался на стене.

«Договаривается, — подумал Сергей. — Как я с поставщиком».

Он поймал себя на том, что смотрит на всё это не как на горе, а как на работу. Плохо сделанную работу, поставленную на скрутке, с расчётом на то, что люди не будут читать условие. И ещё он подумал, что если бы в его подвале так поставили щиток и он бы это увидел, он бы сказал коротко и по делу, и его бы послушали, потому что за ним были восемь лет и ни одного пожара.

Здесь его не послушали бы, потому что в книге было написано: без роду, без двора.

К обеду Сергей дошёл до реки.

Тут было просторно: пристань, баржи, ящики, мешки, канаты, и над рекой висел дым варниц. По сходням туда-сюда ходили люди с тюками, и один взгляд на них говорил Сергею больше, чем весь город: вот здесь работа точно была.

У напорной башни стояла толпа, и это была не та тихая толпа, что у конторы, а живая: с вёдрами, с коромыслами, с бранью и смехом. Башня была каменная, в два яруса, с баком наверху и с медным диском, привинченным у входа.

Посередине, у каменного колодца, стоял человек в синем плаще Ключа, и он работал.

Сергей сначала не понял, что он делает. Человек держал руки над колодцем, чуть согнув пальцы, и ничего не происходило. Потом воздух над срубом задрожал, как над горя-

чим асфальтом, и в ушах у Сергея появился низкий гул, от которого заныли зубы. Пахнуло озоном, будто где-то рядом включили сварку. Вода в колодце пошла кругами, поднялась, подступила к краю и не выплеснулась, а потекла в сторону, в чугунную трубу, которая уходила от сруба к башне.

— Дядя Тир воду поднимает, — сказал мальчишка, стоявший рядом. — Он с утра.

Сергей не ответил. Он смотрел на трубу.

Труба была старая, в потёках, на трёх фланцах, и на среднем фланце, под самым стыком, темнела полоса сырости. Из неё, из-под прокладки, тонкой струйкой текло на камни, и на камнях уже стояла лужа.

Водник работал молча. Он стоял у колодца, не двигаясь, и по лицу у него текло, а по рукам, от локтя до кисти, шла мелкая дрожь. Раз в несколько минут он отпускал, вытирал лицо рукавом и снова поднимал руки, и вода шла, и гул в ушах у Сергея не прекращался.

Он смотрел и считал. Это было сильнее его. Он смотрел на трубу, на фланец, на бачок и думал: тут теряется, ну, пятая часть, а то и четверть, если напор хороший. Прокладку надо менять, прокладка стоит три копейки и ставится за полчаса, а её не меняют, потому что пока не рвёт, так и ладно, а рвать будет в мороз, когда понадобится больше всего.

— Чего стоишь? — окликнули его из очереди. — Вставай, не задерживай.

— Я не за водой, — сказал Сергей.

— Тогда не стой тут.

Он отошёл в сторону и сел на тюк у причала, не сводя глаз с водника.

Тот, наверное, был ровесником ему, тридцати лет. Мокрые рукава, выгоревший плащ, лицо человека, который два часа держит над головой груз и знает, что до вечера продержит ещё шесть. Когда он отпускал, пальцы у него не разжимались сразу, а расходились медленно, по одному.

«Это как насос, — думал Сергей. — Он и есть насос. Только живой, и работает без перерыва, и у него нет ни сменщика, ни запчастей».

Он вспомнил свой цех, испытательную станцию, мегомметр, парня Стаса и то, как они искали пробой в партии щитов, где всё было собрано верно и всё равно не работало. Тогда он нашёл кривую клемму за двадцать минут и думал, что это и есть работа: найти, где тонко, и не ждать, пока рванёт.

Здесь, в городе, где всё держалось на живом человеке и старой трубе, никто не искал, где тонко. Может быть, потому, что искать было некому.

Водник снова поднял руки, гул вернулся, и вода из фланца потекла чуть сильнее. Мальчишка рядом сказал:

— Он устал. Он всегда к обеду устаёт, а потом ещё раз к ужину.

— А если не придёт? — спросил Сергей.

— Тогда воды нет, — сказал мальчишка. — А если нет воды, мать не сварит.

Он сказал это спокойно, как говорят про погоду, и убежал к очереди.

Сергей смотрел на водника ещё немного. Потом он поймал себя на том, что у него в голове уже есть смета: прокладка, два хомута, полдня работы, и труба перестала бы течь, а воднику стало бы легче, потому что напор в трубе держался бы сам. Так, по крайней мере, бывает с водой, которую поднимают насосом.

Он встал, отряхнул штаны и пошёл к приказчику, который сидел на перевёрнутом ящике и что-то считал палочками.

— Работа есть?

— Есть, — не поднимая головы, сказал приказчик.

Сергей ждал.

— Ну? — Приказчик поднял глаза. — Чего стоишь? Говорю, есть работа. Иди к писателю, впишись, отдай медяк за смену, и работай.

— У меня нет медяка.

— Тогда нет работы.

— У меня есть жетон, — сказал Сергей и показал деревянный кружок. — Мне его на заставе дали. На день.

Приказчик посмотрел на жетон, потом на него, и отложил палочки.

— На день, — сказал он. — Ты в город вошёл на день. Работать по дневному жетону нельзя, парень. Дневной на то и дневной: зашёл, огляделся, вышел. Хочешь работать, иди в контору, купи месячный.

— А месячный сколько?

Приказчик назвал цену. Сергей молчал.

— Вот, — сказал приказчик и снова взялся за палочки. — И не стой над душой.

Он отошёл к парапету и сел на камень. Внизу плескалась река, вода шла мимо быстро, и по ней тянулись щепки, солома, чей-то опрокинутый горшок. Сергей смотрел на воду и впервые за это утро почувствовал, как устал.

Устал он не от дороги. Он устал от того, что каждый разговор кончался одинаково, и от того, что в каждом разговоре у него не было того, что нужно: ни двора, ни патента, ни поручителя, ни медяка. Тридцать лет он был человеком, у которого есть руки, голова и восьмой год стажа на одном месте. Здесь у него не было ничего, кроме рук, и на руки, оказывается, был нужен патент.

Он достал из котомки сухарь, разломил и съел половину. Пошёл третий час дня, а к закату надо было выйти из города, и жетон, который он купил, ничего ему не дал, кроме права уйти до темноты.

— Эй, — сказали у него над головой. — Парень.

Сергей поднял голову.

Над ним стоял возчик: широкий мужик в кожаном фартуке, с верёвкой на плече и с лицом, у которого одна бровь росла выше другой.

— Ты, я вижу, из наших, — сказал он. — Без роду, без двора. — Он кивнул на жетон. — Сколько до заката?

— Часа три.

— Значит, так, — сказал возчик. — Баржу разгрузить надо, а двоих у меня сняли. Отработаешь до темноты, дам ужин и место в сарае. Не деньги, за деньги тебя всё равно писать некуда, а ужин и ночлег у меня без бумаги.

Сергей встал.

— Сергей, — сказал он.

— Гнат, — сказал возчик. — Пошли.

Они шли вдоль пристани, и Гнат говорил без остановки, потому что, судя по всему, не умел иначе.

— Ты не смотри, что я возчик. Я возчик, да. А до войны я две баржи держал. — Он показал два пальца. — Две. Потом одну утопили под Вельдом, вторую я продал, чтоб долги закрыть, и теперь вот. — Он хлопнул по плечу Сергея, будто они были знакомы сто лет. — А ты откуда? По виду не здешний.

— Издалека.

— Издалека, — согласился Гнат. — Издалека все.

На углу стоял дом в два этажа, каменный, с синей вывеской на кольцах, и у крыльца толпился народ. Не рынок, не гулянье: люди стояли молча, с бумажками в руках, и двигались к окошку по одному. За окошком сидел человек и стучал печатью.

— Это что? — спросил Сергей.

— Ключ, — сказал Гнат. — Контора. Вода, свет, оберег. Кто не заплатил до срока, того в очередь, а кто в очереди

стоит, у того уже пеня капает.

Сергей посмотрел на очередь. В ней были бабы с детьми, старик на костыле, мужик в чистом сукне. Никто не ругался. Все смотрели в бумажки.

— А без них нельзя? — спросил он. — Ну, вода там, свет.

— Воду из реки можно, — сказал Гнат. — Пей, мойся, стирай. Только с варниц вода солёная, а выше по течению берут те, кто побогаче, и за это им тоже Ключ выставляет: у них насосы. Свет от ключа идёт, коли дом к сети подведён. — Он махнул рукой на ближний дом, и Сергей увидел на стене медный диск с делениями, а под ним маленькое колесо, которое тихо и ровно гудело. — Видишь? Счётчик. Через него сила в дом идёт. Он и считает.

— Как электрический, — сказал Сергей.

— Чего?

— Ничего. Похоже.

— Ты грамотный, что ли? — Гнат посмотрел на него с уважением.

— Так, — сказал Сергей. — По-своему.

— А оберег? — спросил он, когда они отошли.

— Оберег на зиму, — сказал Гнат. — От холода и от того, что с холода приходит. Кто не заплатил, у того оберег снимают, и сиди тогда, жди весны. — Он помолчал. — У меня в позапрошлую зиму сняли. Я тогда в сарае с козами жил, они грели. Козы, они ничего, от них только пахнет.

Баржа стояла у третьего причала. На ней лежали кули,

плотно, в три ряда, и от них шёл острый солёный запах. На берегу ждали двое: парень лет двадцати, весь в соляной пыли, и орк, широкий, в кожаном нагруднике, с обрезанными до плеч рукавами и с руками, на которых белели старые шрамы.

— Гнат, — сказал орк. Голос у него был низкий и спокойный.

— Лар, — сказал Гнат. — Двоих сняли, вот, подсобника взял.

Орк посмотрел на Сергея. Сергей посмотрел на орка. Орк был выше его на голову и шире втрое, с тяжёлой нижней челюстью и глазами, которые смотрели внимательно и без злобы.

— Спина пойдёт, — сказал орк и отвернулся.

Работа была знакомая. Сергей взял первый куль, прикинул вес, подхватил на плечо и понёс. Тело было молодое и лёгкое, и это оказалось и хорошо, и плохо: он привык к своему весу, к своим тридцати годам и к тому, как удобнее ставить ногу под грузом, а тут приходилось всё время пересчитывать шаг.

Парень в соляной пыли сносил кули мелкими шажками и беспрестанно оглядывался. На третьем рейсе он сорвался с плеча, куль стукнул в настил, и мешковина лопнула.

— Куда ты его так, — сказал Сергей, не удержавшись. — Его на плечо бери и придержи сзади, он тогда на спину ложится.

Парень посмотрел на него, потом попробовал, и пошло лучше.

— А ты чего, раньше солил? — спросил он.

— Разгружал, — сказал Сергей. — Всякое.

Орк, который таскал по два куля сразу, ничего не сказал, и Сергей заметил только, что с тех пор тот стал работать с ним в ногу.

На середине разгрузки Гнат ушёл по своим делам, а парень в соляной пыли побежал за водой, и Сергей остался с орком на палубе.

Они сели на перевёрнутый ящик, свесив ноги к воде. Лар достал из-за пазухи флягу, отпил и протянул ему. Вода была тёплая и отдавала кожаным мехом.

— Спасибо.

Лар кивнул. Он смотрел на реку, на баржи, на дым варниц, и молчал так, будто молчание было работой, которую он тоже делает хорошо.

— Давно здесь? — спросил Сергей.

— Двенадцать лет, — сказал Лар. — С войны.

— Воевал?

— Все воевали.

Больше он ничего не добавил, и Сергей не стал спрашивать. Он уже понял, что здесь про войну говорят так же, как у него говорили про девяностые: коротко, без подробностей и только с теми, кто сам был.

— Ты с заставы, — сказал Лар вдруг. — Без роду.

— Как ты узнал?

— По жетону. — Лар кивнул на его карман. — И по рукам. Ты таскаешь правильно. Так не учат за день.

— Работал много.

— Где?

Сергей подумал.

— Далеко. В цеху. Потом на разгрузке, на монтаже, где придётся.

— Цех, — повторил Лар, будто пробуя слово на вкус. — У нас цеха в Ардене есть. В столице. Только туда не попасть без бумаги.

— Я заметил.

Лар усмехнулся, и усмешка у него вышла тяжёлая, одним углом рта.

— Здесь бумага важнее рук, — сказал он. — Так устроено. С бумагой ты человек, без бумаги ты пар. Пар можно использовать, а можно выпустить. — Он помолчал. — Держись тех, кто видел тебя до бумаги. Таких мало, но они есть.

— А ты? — спросил Сергей. — Ты меня видел.

— Я тебя видел, — согласился Лар. — Ты куль на плечо взял, как берут те, кто не хочет спину сорвать. Значит, ты не пар. Пока.

Он замолчал, и они просидели так ещё немного, глядя, как течение тащит мимо щепки и солому.

— Слушай, — сказал Сергей. — Тут у моста дом отключали. Синие с книгой. Сняли с двери оберег, а он был при-

вязан на скорую руку, узел кривой.

Лар повернул к нему голову.

— И что?

— И то, что он бы и так не сработал. Его ставили, чтобы до зимы дотянуть, а до зимы не дотянули. — Сергей пожал плечами. — Я просто смотрел.

Лар долго молчал, потом сказал:

— Ты смотрел правильно. — Он отобрал у него флягу и закрыл пробкой. — Только не говори так при синих. Они не любят, когда видят их работу.

— А ты не синий.

— Я не синий, — сказал Лар и встал.

Он поднял сразу два куля, и Сергей пошёл за ним, и до конца разгрузки они больше не разговаривали, но работали рядом, в ногу, и это оказалось проще, чем разговаривать.

К вечеру на них не было сухого места. Соль набилась в рукава, в штаны, в ботинки, и кожа под ней горела. Спина ныла, ладони саднили, и всё это было до того привычно, что Сергей поймал себя на глупой радости. Он стоял у последнего куля, вытирал лицо фартуком и думал, что вот это, по крайней мере, понятно. Мешки, ящики, берег. Это он умел.

— Ну, — сказал Гнат, когда последний куль лёг в штабель. — Живой?

— Живой.

— Тогда пошли, накормлю, пока не окоченел.

Двор у Гната был за пристанью, зажатый между складом и

забором: телега без колеса, поленница, козы в загоне, сарай с сеном. В доме пахло луком и мокрой шерстью. Гнат поставил на стол горшок, достал хлеб, отрезал сала, и Сергей ел так, что потом не мог вспомнить, как всё это оказалось в нём.

— Ты ешь, ешь, — сказал Гнат. — Завтра отработаешь.

— Завтра?

— А ты думал, я тебе за так? — Гнат усмехнулся. — Я тебе ужин, ночлег и ещё медяк на пеню. За это завтра день работаешь.

— Какая пеня?

— А жетон? — Гнат постучал пальцем по столу. — Он у тебя на день. День кончился ещё до заката, а ты в городе. Поймают — пеня, а не заплатишь — выставят и ещё в книгу впишут. Я с писарем знаком, он мне задним числом впишет, что ты вышел и вошёл, но за это ему медяк. Медяк мой, значит, ты мне должен.

Сергей отложил ложку.

— Понятно, — сказал он.

— Обиделся? — Гнат наклонил голову. — Ты не обижайся. Я тебе не друг, я тебе человек, которому рабочая пара рук нужна. Захочешь со мной работать — работай, я не гоню. Но за так у нас тут только воздух.

— Я не обиделся, — сказал Сергей. — Я считаю.

— Чего считаешь?

— Сколько я тебе должен и сколько получу. — Он отодвинул пустую тарелку. — У тебя сколько смена стоит?

Гнат назвал цену. Сергей прикинул в уме: выходило, что за день он получит на два медяка больше, чем должен, если считать еду и ночлег.

— Тогда я тебе завтра с утра отработаю, и мы квиты, — сказал он. — А потом я хочу жетон на месяц.

— Хочешь, — согласился Гнат. — Месячный тридцать медяков.

Сергей молчал. Тридцать медяков, а у него за душой было минус два.

— Ладно, — сказал он. — Скажи, где тут работу искать, чтобы без бумаги.

Гнат взял с полки глиняную кружку, поставил перед ним и налил воды.

— Без бумаги, — сказал он, — только у тех, кто сам без бумаги. Таких в Броде половина. На варницах берут сменных, но там писаться надо, а не писаного не берут. На пристани смотрят на жетон. В лавки не суйся, тебя выведут. — Он подумал. — Ещё мельницы. Их три, одна на берегу, у вдовы. У неё работник ушёл ещё в конце лета, она всё ищет и всё никого не берёт: привередливая. С документами ей тоже не с руки, у самой долг на мельнице, а платит она хорошо, когда есть чем.

— Вдова, — повторил Сергей. — Как её звать?

— Велена, — сказал Гнат. — У неё мельница за мостом, вторая по реке. Ты только не говори, что от меня, а то она меня не любит.

Сарай был тёплый. Гнат дал ему старый тулуп, и Сергей лёг на сено, подложив под голову котомку. Козы за стеной вздыхали и переступали, где-то далеко на реке крикнули, и было слышно, как в темноте стучит по дереву колотушка сторожа.

Он лежал и смотрел в потолок, на щели, через которые видны были звёзды, и подводил итог.

Руки у него были. Голова была. Тело, хоть и чужое, работало. А в книге у писаря он был записан так: без роду, без двора. Работать нельзя, жетон на день, в город входить за медяк, а медяка нет. Здесь он никто, и это не оскорбление, а просто запись, от которой зависит, дадут ли ему поднять мешок.

Он подумал, что надо к вдове. К мельнице, где крутится колесо и где, судя по словам Гната, вечно что-то ломается.

Потом подумал, что если уж он умер в тридцать лет, то в шестнадцать начинать не так и плохо.

И заснул, и во сне опять солил и таскал, и это было даже приятно.

Глава 4

Утром Гнат разбудил его пинком по сапогу.

— Вставай, работник. День начался.

Козы уже требовали есть, и Сергей, ещё не продрав глаза, наломал им веток, налил воды в колоду и вычистил загон. Потом Гнат вывел из-за склада телегу, у которой не хватало колеса, и сказал:

— Вот. Сделаешь — считай, отработал.

Колесо лежало тут же, прислонённое к поленнице, с треснувшей ступицей. Сергей повертел его, поставил на ось, проверил, как садится, и понял, что ступица не просто треснула: её уже один раз обмотали проволокой и забили клином, и клин вылез.

— Кто тебе это делал? — спросил он.

— Я, — сказал Гнат без смущения.

— Понятно.

Он снял колесо, выбил клин, стянул ступицу двумя обручами из старой бочки, промазал дегтем, вбил новый клин из сухой берёзы, надел колесо на ось и закрепил чекой. Работа заняла полтора часа, и всё это время Гнат стоял у него над душой и рассказывал, как воевал под Вельдом.

— Ну, — сказал Сергей, когда телега покатилась. — Держи.

Гнат толкнул телегу, она поехала, колесо шло ровно, без

скрипа.

— А ты, — сказал Гнат с уважением. — Ты, я вижу, не мешки таскать. Ты чинить.

— И то и другое.

— Тогда тебе точно к вдове. — Гнат вытер руки о фартук и полез за пазуху. — На, вот. За работу.

Он дал ему медяк. Сергей взял.

— Мы в расчёте? — спросил он.

— В расчёте. — Гнат подумал. — И вот что. Я тебе скажу, а ты слушай. Ты работник хороший, но у нас тут не любят тех, кто шибко хороший. Ключ не любит. Понял?

— Понял.

— Ну и ладно. Мельница за мостом, вторая по реке. Хозяйку звать Велена, она вдова, злая как соль, и платит мало. — Гнат подтолкнул его в плечо. — Иди. И жетон не потеряй.

За мостом начинался другой берег: луга, сады, дорога вдоль воды, а по реке, в полуверсте, стояла мельница. Он ещё издалека увидел, что она не работает. Колесо висело над водой неподвижно, лоток был открыт, вода шла мимо, и в самом здании не слышалось ни гула жерновов, ни стука, только плеск.

У мельницы стояла телега с мешками, и рядом с ней ходил мужик, размахивая руками. На крыльце сидела женщина в тёмном платье и в платке, повязанном низко, и чистила морковь.

— Велена? — спросил Сергей.

— Ну.

Она подняла на него глаза. Лицо у неё было молодое и очень усталое, как у всех в этом городе, кто считает деньги каждый день. Симпатичное, открытое, и портила его только складка между бровей да поджатые губы. Из-под платка выбились тёмно-русые пряди, руки в мучной пыли, с мелкими зарубками, загорелые до локтя. Нож она держала коротко, у самого лезвия, и морковь под ним шла ровными кружками.

— Мне сказали, тебе работник нужен.

— Кто сказал?

— Гнат.

— Гнат, — сказала она и вернулась к моркови. — Гнат у нас всех знает. А ты кто?

— Сергей.

— Это имя, а я спрашиваю, кто ты. — Она отрезала хвост у морковки. — Из какой семьи, чей двор, где патент.

— Ничего нет. Без роду.

Она посмотрела на него ещё раз, подольше.

— На мешках видела тебя? — спросила она.

— Не видел я тебя на мешках.

— А я тебя видела. — Она положила нож. — Вчера ты с Гнатом соль таскал. Хорошо таскал, ровно.

Сергей не ответил.

Мужик с мешками подошёл к крыльцу и снова стал кричать, что помол нужен сегодня, что он не может ждать, что у него соль в казну.

— Через три дня, — сказала Велена.

— Через три дня мне приказчик голову оторвёт!

— Через три дня, — повторила она.

Мужик ушёл, ругаясь, и она снова взялась за морковь.

— Мельница стоит, — сказал Сергей.

— Стоит.

— Что с ней?

— Подпятник рассохся. — Она кивнула на здание. — Мага из Ключа вызвала, а он придёт через три дня. Заявку я подала, оплату вперёд внесла, теперь жду. — Она отрезала ещё один хвост. — А ты-то что знаешь про мельницы?

— Ничего, — сказал он. — Пока не посмотрел.

Велена подняла брови.

— А если посмотрю? — сказал он.

Она отложила нож, вытерла руки о платье и поднялась с крыльца. Ростом она была ему по плечо: он ещё не привык к своему новому телу и всё время забывал, что его надо пригибать в дверях.

— Смотри, — сказала она. — Только не трогай. Оно чужое, за него плачено.

Они прошли внутрь. Внутри пахло мучной пылью и деревом. Жернова стояли неподвижно, от них шёл тот особенный мелкий холод, который бывает в помещениях без людей. Сергей присел, заглянул под настил, где вал входил в подпятник, и достал из сумки кремень с кресалом — не для огня, а чтобы посветить.

— Вот, — сказал он. — Видишь?

Велена не видела.

— Гнездо разбито, — сказал он. — Подпятник-то тут ни при чём. Он рассохся, потому что его уже перекашивало. Вал сидит криво, его повело, и он бьёт по гнезду. Его надо вынуть, протесать и посадить на новую подушку.

Он вылез из-под настила и вытер руки.

— Маг придёт через три дня? — спросил он.

— Через три дня.

— А соль стоит.

— Стоит, — сказала Велена и посмотрела на него, как смотрят на человека, который сказал то, что нельзя было говорить вслух.

— Я сделаю за ночь, — сказал Сергей. — Мне нужен только кузнец, стамеска, дубовая плашка и свет.

Велена молчала.

— Сколько? — спросила она.

— За такую работу маг берёт тридцать медяков, — сказал Сергей. — Я возьму двадцать.

— Десять.

— Десять и еда с ночлегом.

— Десять, еда, ночлег и до утра. — Она смотрела ему в лицо, не мигая. — Не сделаешь до утра, уйдёшь без ничего. Сломаешь — заплатишь.

— У меня медяк.

— Тогда не сломай, — сказала Велена.

Она оказалась не злая. Она оказалась человеком, у которого всё посчитано, и это было понятнее и легче, чем злость: с таким можно было работать.

Кузня стояла за мостом, у самой воды: тёмный сарай с трубой, горн, наковальня, и в нём гном, сухой, с обожжёнными до локтей руками. Гном взял стамеску, посмотрел на неё и сказал:

— Тупое.

— Знаю.

— И дерево ты мне принёс не то.

— Знаю.

Гном хмыкнул и пошёл к точилу. Плату он взял вперёд, отсчитал сдачу до последней монеты и выложил на наковальню всё, что нужно: стамеску, два клина, скобу.

— Точность — она как вера, — сказал он, отдавая. — Чуть сдвинешь, и всё.

— Не сдвину, — сказал Сергей.

Он вернулся к мельнице засветло. Велена дала ему лампу с маслом, ломик, молоток и старый тулуп, и сама вышла с ним во двор.

— Ты чего? — спросил он.

— Смотреть, — сказала она. — Мельница моя.

Работа была тяжёлая и обычная, как всё, что Сергей делал в жизни. Он подпер вал рычагом, выбил клинья, снял колесо с оси, потом долго и осторожно вынимал сам вал из гнезда, потому что от резкого движения можно было расколоть

настил. Вал вышел тяжело, весь в старой смазке и в мучной пыли, и когда Сергей положил его на пол и посветил, стало видно, что его и правда повело: ближний к гнезду конец потемнел и был стёсан на одну сторону.

— Угу, — сказал Сергей. — Вот оно.

— Что? — спросила Велена.

— Тут его уже до меня чинили. Или подтягивали скобой, или клиньями. И подтянули криво, вот его и повело. — Он провёл пальцем по стёсанной стороне. — Смотри, он с одной стороны как будто лизнул кто. Это он об гнездо тёрся.

— И что теперь?

— Теперь протешу гнездо по валу, а на вал поставлю новую подушку. Дубовую. — Он прикинул в голове. — Часа четыре с подгонкой.

— И всё?

— И всё. Только подушку надо сушить, а она сырая, поэтому посажу на деготь, а сверху клинья, чтобы не дала усадку до весны.

Велена села на перевёрнутый ящик и поставила лампу рядом.

— Ты странно говоришь, — сказала она.

— Как?

— Ровно. Как будто тебе за это платят каждый день.

Сергей промолчал и взялся за стамеску.

Работал он долго. За стенами стемнело, вода шумела ровно, лампа шипела, и в этом шуме было легко и пусто, как

бывало в цеху на ночной смене, когда все ушли и остаёшься один со своей поломкой. Велена сидела рядом и держала лампу, когда ему нужно было светить, и подавала то, что он просил, и не задавала лишних вопросов.

Потом всё-таки спросила:

— Ты откуда?

— Издалека.

— Это я уже слышала.

— Из деревни за холмом. Там все умерли.

Велена чуть повернула голову, и лицо у неё изменилось, но не так, как он ждал.

— Свежие кресты? — спросила она.

— Девять.

— Значит, не всех ещё похоронили, — сказала она тихо. — Я думала, там никого.

Она помолчала.

— Мужа моего там нет, если ты об этом. Мой на войне пропал. — Она поправила фитиль. — Двенадцать лет, а бумаги всё нет. Без бумаги он ни живой, ни мёртвый, и мельница на мне, и долг на мне, и брат на мне.

— Брат в академии, — сказал Сергей, припоминая.

— В академии. Два года отучился, три года должен Ключу отработки. — Она усмехнулась. — Как заплатят, так и отпустят, а платят они за него вперёд. Считай, я его им подарила.

Сергей стукнул молотком по клину, проверяя посадку.

— А чего ты хочешь? — спросил он.

Велена посмотрела на него так, будто он спросил что-то неприличное.

— Мельницу, — сказала она. — Чтобы моя была. Чтобы крутилась, когда я скажу, а не когда придёт человек из Ключа. — Она подняла лампу повыше. — Всё, хватит разговоров. Делай.

Он доделал к третьему часу ночи.

Подушка села плотно, клинья зашли ровно, вал в гнезде не играл. Сергей поставил колесо на ось, затянул скобу, проверил рукой, как оно ходит, и сел на настил, потому что ноги уже не держали.

— Всё, — сказал он. — Утром пустим.

Велена подняла лампу и посмотрела на его работу: на подушку, на клинья, на стружку под ногами.

— Если не пойдёт, — сказала она, — я тебя выгоню.

— Если не пойдёт, я сам уйду.

Она постелила ему в каморке за мешками: старый тюфяк, тулуп, кувшин воды. Он лёг и заснул сразу, как выключают свет, и не видел никаких снов.

Разбудил его шум. Велена открывала лоток.

Вода пошла по жёлобу, ударила в лопасти, и колесо дрогнуло. Дрогнуло ещё раз, набрало ход, заскрипело и пошло. По всему зданию пошёл гул, жернова зашевелились, и в воздухе поднялась мучная пыль.

Велена стояла у лотка и смотрела. Лицо у неё было такое, будто она не верила до последнего, даже когда своими рука-

ми держала лампу.

— Идёт, — сказала она. — Идёт!

Сергей вытер лицо.

К полудню у мельницы стояли три телеги. Мужик, который вчера кричал про казну, привёз ещё два мешка и всё норовил заглянуть внутрь, а Велена, порозовевшая и злая от дела, принимала зерно, отвешивала муку и называла цену раньше, чем у неё спрашивали.

— Вот, — сказала она, когда очередь кончилась. — Держи.

Она отсчитала десять медяков, и Сергей взял их и почувствовал, как это мало и как это много: первый заработок в новом мире, за работу, а не за мешок.

— Ещё вот. — Велена положила на стол хлеб, кусок сала и поставила горшок. — Ешь. И вот что. — Она замялась. — Работника у меня нет. Мельница теперь на ходу, а у меня одной не выходит: и помол, и зерно, и соль, и записи. Я дам тебе каморку и пять медяков в день. Пока Ключ не придёт и всё не испортит.

— Пять? — сказал Сергей.

— Шесть, — сказала Велена. — И не спорь, я уже посчитала.

Он хотел ответить, но в дверях мельницы стало темно.

На пороге стоял человек в синем плаще с эмблемой Ключа: круг и вода. Немолодой, с круглым лицом и с папкой под локтем. Он оглядел мельницу, жернова, мучную пыль, му-

жика с мешками, который как раз выходил с мукой, и лицо у него стало медленно и неприятно меняться.

— Это что, — сказал он.

— Мельница, — сказала Велена.

— Я вижу, что мельница. Я спрашиваю, почему она крутится.

— Потому что починена.

Человек открыл папку, будто хотел в ней что-то найти, и закрыл.

— По заявке, — сказал он. — Заявка от вас была, оплата внесена, работы назначены на послезавтра. Кто ставил подпятник?

Велена не ответила.

Человек перевёл глаза на Сергея. Он смотрел на его руки, на стружку, на деготь под ногтями, и по его лицу было видно, что он умеет читать такие следы не хуже писаря у ворот.

— Ты? — спросил он.

— Я, — сказал Сергей.

Человек кивнул, как будто этого и ждал, и достал из папки лист с печатью.

— Самовольные работы, — сказал он, — без допуска и без заявки, с вмешательством в оборудование, внесённое в перечень снабжения Ключа. Это штраф. — Он поднял лист и прочитал: — На мельницу Велены, вдовы, — двадцать медяков. — Он опустил бумагу. — И предписание: до уплаты штрафа помол прекратить.

Велена стояла очень прямо.

— Пан, — сказала она. — Дайте отсрочку. Я заплачу с помола, у меня сегодня три телеги.

— По предписанию сначала штраф, потом помол.

— Да откуда у меня двадцать медяков? У меня в избе пусто, вы же знаете, вы же сами вписывали.

— Знаю, — сказал человек и впервые посмотрел на неё без служебной ровности. — Велена, я не выписываю, я исполняю. Мне дают лист, я иду с листом. Не пойду — со мной пойдут.

Сергей достал из кармана свои медяки.

— Вот, — сказал он. — Одиннадцать.

Человек посмотрел на его ладонь.

— Одиннадцать, — сказал Сергей. — Остальное с помола.

— Мне нельзя с помола. Мне надо сейчас.

— Тогда запишите на меня.

Человек прищурился.

— На тебя? У тебя что, двор есть?

— Нет.

— Тогда ты не должник. Ты никто, — сказал он без злобы, просто как факт. — Долг можно записать на человека, на двор, на мельницу. На тебя некуда.

Сергей положил медяки на стол.

— Тогда вот эти одиннадцать сейчас, а остальное Велена заплатит до вечера.

Велена открыла рот, но ничего не сказала.

Человек посмотрел на медяки, потом на лист, потом на Сергея. Он пересчитал монеты, записал что-то в папку, наклонившись, и достал из кармана печать.

— Одиннадцать в счёт штрафа, — сказал он. — Остаток девять, до вечера.

Он поставил на лист печать и протянул лист Велене.

— Я приду к вечеру. Не будет девяти — помол прекращаю, и тогда следующая бумага будет уже на перечень. — Он закрыл папку. — И вот что. — Он повернулся к Сергею. — Ты кто по ремеслу?

— Мастер.

— Мастер, — повторил человек. — Мастеров у нас пишут в цех, а цех платит взнос и держит допуск. Ты без цеха и без допуска. Ещё раз увижу твою работу — пойдёт не штраф, а конфискация. Инструмент заберут, и всё, с чем заберут, тоже.

Он ушёл. Колесо на мельнице по-прежнему шло, мука сыпалась, а во дворе молчали.

Велена развернула лист, прочитала, сложила вчетверо и положила за пазуху. Потом посмотрела на Сергея.

— Ты зачем, — сказала она. — Твои это деньги. Ты их за ночь заработал.

— Они твои, — сказал Сергей. — Я тебе вал взялся поставить, а не бумагу от Ключа принести. Это моя работа виновата, значит, и платить мне.

— У меня нет девяти медяков.

— Будет. У тебя три телеги и очередь до вечера.

Велена отвернулась, налила воды из кувшина, выпила и вытерла рот ладонью, и Сергей увидел, что руки у неё дрожат. Она поставила кувшин так, чтобы он не звенел о стол.

— Ты почему всё считаешь, — сказала она. — Цену, деньги, бумаги. Как приказчик.

— Меня так учили. Работу надо считать, иначе тебе посчитают другие.

Она помолчала.

— Ладно, — сказала она. — На, ешь.

К вечеру она отдала девять медяков и ещё один оставила себе. Мужики разъехались, мельница остановилась, и во дворе стало тихо.

Сергей обошёл здание снаружи. Он смотрел на плотину, на сброс воды, на лоток, на второй, забитый досками жёлоб, который торчал из стены и никуда не шёл, и в голове у него опять само собой складывалось: если расшить жёлоб, если поставить второй постав, если поднять напор — мельница стала бы молоть вдвое, а то и втрое.

— Чего ты там стоишь? — крикнула Велена из окна.

— Тут у тебя второй жёлоб, — сказал он. — Он куда?

— Никуда. Дедов был. Туда зерно не дают, при Ключе одна постава положена.

Сергей подошёл к окну.

— А если дать?

Велена посмотрела на него сверху, и в лице у неё было что-то среднее между страхом и надеждой.

— Тогда придут с бумагой, — сказала она. — Вот прямо как сейчас. Только хуже.

Вечером она принесла ему в каморку миску каши, ломоть хлеба и кружку молока и поставила всё это на перевёрнутый ящик, который служил тут столом.

— Ешь, — сказала она. — Завтра с утра помол, я с телегами сама.

— Справлюсь.

— Я и не сомневаюсь. — Она постояла в дверях. — Ты вот что. Ты не думай, что тут все злые. Люди как люди. Просто всем надо есть, и все считают.

— Я заметил.

— И ещё. — Она помолчала. — Ты за меня одиннадцать отдал. Я тебе верну.

— Не надо.

— Надо, — сказала Велена. — Иначе я тебе не хозяйка, а благодетельница. А я не благодетельница, я мельница.

Она ушла, и он остался один в каморке, где пахло мукой, мешками и мокрым камнем. За стеной плескала вода, в щели потолка были видны звёзды, и Сергей, сидя на тюфяке, считал.

Шесть медяков в день. Жетон на месяц — тридцать. Еда и каморка есть, значит, полная ставка уходит на жетон: пять дней работы — и он снова человек, которого можно вписать

в книгу, а не «без роду».

Только с жетоном ничего не менялось. Жетон давал право быть в городе. Он не давал права работать. Право работать давал цех, цех давал допуск, допуск стоил взноса и поручителя, поручителя у него не было, а взнос он не заработает, пока нет допуска. Круг закрывался ровно, как крышка.

Он вспомнил человека с папкой: ещё раз увижу твою работу — конфискация. Значит, так работать нельзя. Значит, или бумага, или каждый раз рисковать чужим имуществом и чужой мельницей, а Велена ему не чужая уже, хоть он и знал её полтора дня.

И был второй путь, который он весь день отгонял от себя: пойти к тем, у кого бумага есть. У кого её выписывают не в цехе, а в конторе с синей вывеской.

— Завтра, — сказал он вслух.

Он лёг, но спать не хотелось. Он лежал и разбирал прошедший день по частям, как разбирают узел: где что было не так, где что можно было сделать лучше, где он поспешил и сказал лишнее.

Плохо было то, что вал он посадил на деготь. До весны доживёт, а весной его надо перебирать, иначе поведёт снова.

Хорошо было то, что колесо шло.

С этой мыслью он и заснул.

Утром он встал раньше Велены, наносил воды, наколол дров и пустил мельницу до того, как она вышла во двор. Она вышла, посмотрела на колесо, на воду, на него и ничего не

сказала, только кивнула.

— Мне надо в город, — сказал Сергей. — На полдня.

— Иди, — сказала Велена. — Только вернись к вечернему помолу.

— Вернусь.

Он снял фартук, вытер руки и пошёл к мосту. За мостом начинался город: шум, пыль, телеги, хлебный запах из пекарен. Сергей шёл по улице и держал в голове цену, которую ему назовут.

Он шёл в контору Ключа. Не за водой. За бумагой.

Глава 5

Контора Ключа внутри оказалась не такой, как снаружи.

Снаружи был каменный дом с синей вывеской, у крыльца толпился народ и пахло пылью. Внутри лежали половики, стояла стойка из тёмного дерева, и за стойкой сидели трое: двое писали в книгах, третий принимал бумаги и стучал печатью. На стене висели медные диски с делениями, один большой, три маленьких, и под каждым была прикреплена дощечка с номером. Пахло чернилами, воском и ещё чем-то сухим, вроде старой бумаги, и было прохладно.

Очередь стояла вдоль стены, и Сергей встал в неё, потому что других вариантов не было.

Двигалось медленно. Впереди женщина долго объясняла, что у неё в квитанции ошибка, что она платила, и доставала из-за пазухи завёрнутые в платок монеты. Писарь смотрел в книгу, потом на неё, потом опять в книгу.

— Не сходится, — сказал он. — У нас записано иначе.

— Да как иначе, я же платила!

— Вот квитанция. — Он развернул к ней лист. — Здесь сумма. Платили бы больше, была бы другая сумма.

Женщина заплакала, но негромко, и отошла, и очередь подвинулась.

Сергей подошёл к стойке.

— Мне нужен допуск, — сказал он.

Писарь поднял на него глаза.

— Какой?

— На работы. Ремонт, оборудование.

— Допуск дают в цехе. Это не к нам.

— Я был в цехе. Там надо записаться, взнос и поручитель.

— Ну так и запишитесь.

— У меня нет поручителя.

Писарь вздохнул и потянулся за следующей бумагой.

— Тогда у вас ничего не выйдет, — сказал он. — Следующий.

— Мне нужен директор, — сказал Сергей.

Писарь посмотрел на него, и в глазах у него появилось что-то новое: не злость, а любопытство, как у человека, который каждый день слышит «мне нужен директор» раз двадцать.

— По какому делу?

— По работе.

— У нас все по работе.

— У меня работа на мельнице, — сказал Сергей. — Я поставил там вал, мельница пошла. Ваш человек выписал штраф и забрал одиннадцать медяков. Я хочу допуск, чтобы работать и не платить штрафы. Для этого мне нужен тот, кто его выписывает.

Писарь опустил перо.

— Как фамилия? — спросил он.

— Нет фамилии. Без роду.

— Как записан?

— Без роду, без двора. Жетон на день, потом на месяц.

Писарь полистал книгу, нашёл нужную страницу, провёл пальцем и хмыкнул.

— Действительно вписан, — сказал он. — Одиннадцать медяков, штраф на мельницу Велены.

Он поднялся и ушёл за перегородку.

Сергей стоял у стойки и ждал. Очередь за ним ворчала, но он не оборачивался. Он смотрел на медные диски на стене и думал, что если бы у него был доступ к этим книгам, он бы за неделю нашёл в них столько ошибок, что контора сама бы пришла к нему с извинениями.

Писарь вернулся.

— Вас примут, — сказал он. — Через полчаса. Ждите у окна и ничего не трогайте.

Полчаса он простоял у окна, глядя на улицу. Мимо ходили люди, кто-то вёл козу, мальчишки гоняли обруч. Напротив, в лавке, выгружали ящики, и Сергей по привычке прикинул, сколько там кулей и сколько времени нужно на разгрузку.

Потом его позвали.

Кабинет был на втором этаже, в конце коридора, и дверь была обита зелёным сукном. Писарь постучал, приоткрыл дверь и сказал в щель:

— Магистр, тот самый.

— Пусть войдёт, — ответили из кабинета.

Сергей вошёл.

Кабинет был небольшой, но обставленный так, будто в нём всё было на месте. Стол с сукном, две папки, чернильница, чашка с чаем на блюдце, на стене карта реки и города, на окне — растение в горшке. За столом сидел человек лет сорока пяти, в синем сюртуке, с коротко подстриженной бородой и очень спокойными руками. Он не встал, но кивнул и показал на стул.

— Садитесь. Ольгерд.

— Сергей.

— Сергей, — повторил Ольгерд и отпил из чашки. — У вас, я слышал, дело. Рассказывайте.

Он говорил негромко, вежливо, и смотрел прямо, без всякого нажима, и от этого становилось не по себе сильнее, чем от крика.

— Я поставил вал на мельнице Велены, — сказал Сергей. — Мельница работает. Ваш человек сказал, что за это штраф, а второй раз заберут инструмент.

— Всё верно.

— Мне нужен допуск.

Ольгерд поставил чашку.

— Допуск, — сказал он. — Хорошо. Давайте по порядку, чтобы вы не тратили ни моё, ни своё время. Допуск на работы с оборудованием, внесённым в перечень снабжения, даёт либо цех, либо Ключ. Цех даёт допуск тому, кто в цехе записан, а для записи нужен взнос и поручитель. Поручитель — это человек с двором, который отвечает своим имуществом.

Он у вас есть?

— Пока нет.

— Ключ даёт допуск иначе. — Ольгерд взял вторую папку. — Ключ берёт ученика, платит за его обучение, кормит, одевает и вписывает в книгу. Ученик учится три года, потом работает. С документом, с жалованьем, с местом.

— И с отработкой.

— С отработкой, — согласился Ольгерд. — Пять лет после обучения. Это обычные условия, они одинаковые для всех.

Сергей помолчал.

— Пять лет, — сказал он. — А если я захочу уйти?

— Не захотите.

— А если всё-таки?

— Тогда неустойка. — Ольгерд произнёс это так же ровно, как всё остальное. — Сумма обучения, содержание и убыток от того, что место освободилось раньше срока. Обычно это выходит дорого.

— Понятно.

Ольгерд откинулся на спинку.

— Вы, я вижу, не рады, — сказал он. — А ведь это единственный путь, на котором вы перестаёте быть никем. Вы сейчас кто? Без роду, без двора, с жетоном на месяц. Вы не можете ни работать, ни жаловаться, ни уехать. И это не я придумал, это порядок, за который я тоже отвечаю.

— Порядок хороший, — сказал Сергей. — Только доро-

гой.

Ольгерд чуть склонил голову.

— То есть?

Сергей положил руки на колени, чтобы не жестикулировать.

— Смотрите, — сказал он. — Вы берёте ученика, платите за его обучение и содержание, потом пять лет получаете его работу. Это правильно устроено, честно. Только вы считаете не работу, а человека. Вы его купили на восемь лет вперёд по цене еды и учебников, а он вам за это отдаёт всё, что умеет. А если он умеет больше, чем стоит его содержание? Тогда вы в плюсе, а он в минусе, и уйти он не может, потому что неустойка.

Ольгерд молчал.

— Вот я поставил вал, — сказал Сергей. — Мне за это дали десять медяков и штраф двадцать. Ваш маг пришёл бы через три дня, взял бы тридцать, и мельница стояла бы ещё три дня. Если считать по-вашему, я вам убыток. А если по-моему, я вам сэкономил три дня помола и тридцать медяков, и вы мне за это выписали бумагу.

Он замолчал и понял, что сказал больше, чем собирался, и что в кабинете стало очень тихо.

Ольгерд долго смотрел на него. Потом взял чашку, отпил и поставил на блюдце.

— А знаете, — сказал он, — мне это интересно.

Он достал из папки чистый лист и положил перед собой,

но писать не стал.

— Давайте так, — сказал он. — Я вам расскажу, что я могу вам дать, а вы мне скажете, что вы об этом думаете. Без обид и без торга. Договорились?

— Давайте.

— У меня есть Служба тишины. Это бригады, которые ставят и держат обереги: на домах, на складах, на варницах, на плотинах. Работа тяжёлая, грязная и срочная: оберег рвётся ночью, и бригада едет ночью. В бригадах у меня орки, потому что орку не нужен узел: он тянет силу собой и обходится дешевле мага.

— Я видел орка на разгрузке, — сказал Сергей. — Лар.

— Не знаю такого. — Ольгерд пожал плечами. — Их много. Так вот. Мне нужен человек, который умеет смотреть на оберег и на трубу и говорить, где тонко, до того как рванёт. Не маг. Маг у меня есть, и он стоит дорого, и он смотрит в книгу, а не на стену. Мне нужен мастер.

— И сколько вы дадите за мастера?

— Ученичество. Три года, потом пять лет службы. Документ, жалованье, комната при конторе, стол. — Ольгерд чуть подался вперёд. — И допуск сразу, с первого дня, потому что ученик при Службе допущен по службе.

— Пять лет, — сказал Сергей.

— Пять лет, — согласился Ольгерд. — Из которых первые три вы учитесь и получаете меньше, чем стоите.

— А если я не захочу в Службу? Если я захочу работать

на мельнице, в городе, по подряду?

— По подряду нельзя. — Ольгерд развёл руками. — Подряд — это когда вы отвечаете своим имуществом. У вас имущества нет. Подряд без поручителя — это и есть то, за что мой человек выписал вам штраф.

— Тогда дайте поручительство.

— Я? — Ольгерд посмотрел на него с любопытством. — За вас? Я вас знаю двадцать минут.

— А если я отработаю?

Ольгерд помолчал, и Сергей увидел, что попал в точку: тот уже думал об этом и уже решил, и теперь проверял, как Сергей сам к этому придёт.

— Вот что, — сказал Ольгерд. — Я не могу выписать вам допуск. Это не в моей власти, и врать я не буду. Но я могу выписать вам разрешение на работы по одной мельнице. Временное, до конца зимы. С платой в казну Ключа, два медяка в день. — Он поднял палец. — Это не благотворительность. Это испытание: я посмотрю, как вы работаете, а вы посмотрите, как работаем мы. Если мне понравится, через месяц я буду разговаривать с вами иначе. Если нет — разрешение кончится, и мы вернёмся к тому, с чего начали.

Сергей считал. Два медяка в день из шести — треть. За это он получает право работать и не бояться, что заберут инструмент. И ещё он получает долг перед Ключом, которого раньше не было.

— А если я откажусь? — спросил он.

— Тогда вы уйдёте, и на мельнице снова встанет вал, а через три дня придёт маг и поставит новый. — Ольгерд был спокоен. — Вы мне нравитесь, Сергей, но я не поручитель. Мне нужен мастер, а не чужой человек с принципами.

— Хорошо, — сказал Сергей. — Давайте разрешение.

Ольгерд кивнул, как будто иного ответа не ждал, и стал писать. Писал он быстро, ровно, без помарок, и печать приложил так аккуратно, что на бумаге остался полный оттиск: круг и вода.

— Здесь всё: до конца зимы, одна мельница, два медяка в день. Платить в контору, каждую неделю, не реже. — Он протянул лист. — И вот ещё что. Если увидите, что где-то тонко, — он показал пальцем на стену, на карту, — не чините сами. Приходите и говорите мне. За это я, может быть, заплачу.

— А если тонко у вас?

Ольгерд посмотрел на него долгим взглядом.

— У нас всё по норме, — сказал он. — Но вы приходите.

Сергей сложил лист вчетверо и убрал за пазуху. У двери он обернулся.

— Магистр.

— Да?

— Если я вам сэкономлю три дня помола и тридцать медяков, вы мне за это дадите два медяка в день штрафа? — спросил он. — Или всё-таки заплатите?

Ольгерд не ответил. Но когда Сергей закрывал дверь, ему

показалось, что тот улыбнулся.

В коридоре он задержался у кассы, потому что разрешение разрешением, а платить надо было сразу.

Касса была в конце коридора, за ещё одной стойкой, и в ней сидел писарь с квадратной бородой. Сергей положил на стойку разрешение и два медяка.

— Первый взнос, — сказал он. — За мельницу Велены.

Писарь прочитал бумагу, посмотрел на монеты, потом на него.

— Ты кто? — спросил он.

— Тот, кому выписано.

— Я вижу, что выписано. Я спрашиваю, кто ты, — сказал писарь, и в голосе у него было то же самое, что у человека с папкой на мельнице: не злоба, а усталая привычка к чужой бестолковости. — В книге ты как записан?

— Без роду, без двора.

Писарь хмыкнул, полистал книгу, нашёл, вписал, стукнул печатью и протянул Сергею бумажку.

— Каждую неделю. Не позже пятницы. Не заплатишь — разрешение само собой и кончится, и никто тебе об этом не напомнит.

— Понял.

— Ничего ты не понял, — сказал писарь без нажима. — Но заплатишь.

Сергей убрал бумажку за пазуху и отошёл от стойки.

И в этот момент в коридоре стало шумно.

Из боковой двери вышли четверо в синих куртках, и между ними, держа его за плечи, вели пятого. Пятый был орк, огромный, шире всех четверых вместе, с рассечённой бровью и с руками, стянутыми спереди ремнём. Он не сопротивлялся и не кричал. Он шёл, и от него шёл жар, как от печи, которую только что закрыли, и воздух вокруг него дрожал, как дрожал над колодцем у напорной башни.

— Не стой на дороге, — сказал Сергею один из конвойных, и Сергей отступил к стене.

Орк повернул к нему голову. Глаза у него были мутные, злые и совершенно детские, и в них не было ни мысли, ни узнавания, только что-то тяжёлое, что поднималось изнутри и не находило выхода.

— Пошёл, пошёл, — сказали ему и подтолкнули.

— Что с ним? — спросил Сергей у писаря.

Писарь не ответил. Ответил приказчик, молодой человек в синем, который шёл за конвоем с папкой.

— Перетянул, — сказал он. — Вчера на складе оберег рвало, он тянул, чтобы успеть до ночи. Тянул, тянул, а потом встал и сломал стойку. — Приказчик кивнул на орка. — Теперь его с силы снимать надо, а он не даётся.

— И что с ним будет?

— Что положено. — Приказчик посмотрел на него, как на человека, который задаёт вопросы не по делу. — В яму посадят, пока не отпустит. Потом в степь отправят, к своим. Он уже не работник.

Орк в это время рванулся. Ремень натянулся, двое конвойных повисли на нём, третий ударил его по ногам, и орк упал на колени, тяжело, как падает мешок, и заревел — не словами, а чем-то низким и долгим, от чего у Сергея заложило уши.

Писарь за стойкой поморщился и закрыл книгу, будто закрывал окно от сквозняка.

— Каждый месяц одно и то же, — сказал он. — А всё потому, что дешевле.

— Что дешевле?

— Орком дешевле, — сказал писарь. — Маг за оберег берёт тридцать, орк берёт два. Только орк платит собой, а не деньгами. Ты думаешь, они не знают?

Орка вывели в дверь, шум стих, и в коридоре опять стало слышно, как стучат печати.

Сергей постоял ещё немного. Потом вышел на улицу.

На улице было тепло и пыльно. Сергей дошёл до моста, остановился и посмотрел на реку. В кармане у него лежало шесть медяков, за пазухой — разрешение, в голове — расчёт: два медяка в день, шесть дней в неделю, и до конца зимы ещё три месяца.

Он шёл к мельнице и понимал, что его купили. Дешево и аккуратно, как покупают хороший инструмент: не сразу, а в рассрочку.

Велена была у лотка, в муке по локоть, и рядом с ней стоял мальчишка лет двенадцати, который подсыпал зерно в ковш.

— Ты чего так долго? — сказала она, не оборачиваясь. — Я думала, тебя уже в книгу вписали.

— Почти.

Он достал лист и положил на стол.

Велена вытерла руки о фартук, развернула бумагу и стала читать. Читала она медленно, водя пальцем по строкам, и губы у неё шевелились.

— Разрешение, — сказала она наконец. — На работы по моей мельнице. До конца зимы. — Она подняла глаза. — Два медяка в день?

— В казну Ключа.

— Это грабёж.

— Это допуск, — сказал Сергей. — Без него я не могу работать, а с ним могу. Два медяка в день — это меньше, чем штраф.

Велена положила лист на стол, придавила его камнем, чтобы не сдуло, и снова взялась за лоток.

— Он тебя купил, — сказала она.

— Пока арендовал.

— Это одно и то же, только первое слово короче. — Она поправила лоток. — Ты знаешь, что он тебе предложил?

— Ученичество. Три года, потом пять лет службы.

— Даже так, — сказала Велена и усмехнулась, но глаза у неё были невесёлые. — Он щедрый. — Она помолчала. — Не ходи.

— Почему?

— Потому что они забирают.

Она сказала это просто, без нажима, и Сергей впервые услышал, как она говорит о чём-то личном.

— Мой брат, — сказала Велена. — Он был лучший на своём курсе. Лучший, понимаешь? Ему прочили кафедру, ему прочили место в столице. Он взял заём у Ключа, потому что отец не мог платить, и подписал бумагу, что три года отработает по распределению. — Она открыла заслонку, проверила, как идёт зерно, и закрыла. — А потом умер отец. Я послала ему весть, он приехал, и его оштрафовали за пропуск занятий. Потом умерла мать. Он опять приехал, и его перевели на другой курс, и там он уже не был лучшим, потому что там были другие. А теперь он сидит в столице и составляет описи имущества для Ключа, и я не видела его два года.

— Он пишет?

— Пишет, — сказала Велена. — Раз в месяц, одно и то же: что у него всё хорошо и что осталось полтора года. Полтора года, а потом ещё три, потому что он брал на жильё. — Она посмотрела на Сергея. — Ты видел, как у них всё аккуратно? Бумага, печать, всё по правилам. Так это и работает. Они не злые. Они просто пишут, и каждая бумага из тебя что-то забирает, пока ничего не останется.

Мальчишка у ковша перестал сыпать зерно и слушал, открыв рот.

— Иди, — сказала ему Велена. — Иди, подметай.

Он убежал, и они остались вдвоём.

— Если ты уйдёшь, — сказала Велена, — я не удержу мельницу. У меня один постав, долг, и вал, посаженный на деготь. Они дадут мне поработать до весны, а потом придут и скажут: вдова, вы не справляетесь, мы забираем. — Она вытерла руки. — А если ты останешься, то весной мы, может, и вытянем.

— Я не собираюсь уходить, — сказал Сергей.

— Ты сейчас не собираешься. А потом он тебе покажет жалованье, комнату и бумагу, и ты подумаешь.

— Я подумаю, — согласился он. — И всё равно не уйду.

Велена посмотрела на него долгим взглядом, будто проверяла, верить или нет. Потом отвернулась и сказала другим голосом, деловым:

— Ладно. Тогда работай. Завтра с утра — помол до обеда, а после обеда починишь лоток, он течёт в трёх местах. Мальчишку я отдала тебе в помощь, звать Гриш, он слабый, но старательный.

Сергей взял лопату и пошёл к зерну. У двери он обернулся.

— Велена.

— Ну?

— А что у вас тут за война была? — спросил он. — Не про соль. Про войну.

Она помолчала, глядя, как крутится колесо.

— Долго рассказывать, — сказала она. — В другой раз.

Вечером, когда помол кончился и она ушла в избу, Сергей ещё долго стоял во дворе. Он смотрел на забитый досками второй жёлоб, на плотину, на воду, которая шла мимо его силы и уходила в реку, и в голове у него, против его воли, снова складывалась смета.

Второй постав. Расшить жёлоб. Поднять напор. Втрое больше муки. И вдвое — против Ключа.

Он знал, что этого делать нельзя. И знал, что уже думает о том, как это сделать.

Ночью он не спал.

В каморке было темно, только луна светила в щель под крышей, и в этой полосе света на ящике лежала кучка стружки. Сергей лежал и считал, и счёт не сходился: два медяка в день Ключу, шесть медяков в день от Велены, еда и каморка. Выходило, что за месяц он соберёт не больше сорока медяков, а на жетон, на инструмент, на новую прокладку для лотка и на дубовую плашку уйдёт почти всё. Так он будет работать до весны и останется при том же, с чего начал: без бумаги, без двора и без запасного медяка.

Он встал, нашарил котомку и достал огниво. Потом вспомнил, что бумаги у него нет, и пошёл в избу.

Велена не спала. Она сидела за столом при свече и что-то считала на счётах, и когда он вошёл, быстро накрыла лист ладонью, будто её поймали за чем-то стыдным.

— Чего тебе?

— Бумаги, — сказал Сергей. — И угля. Или пера.

Она посмотрела на него, потом отодвинула ладонь.

— На, — сказала она. — Старая книга, я в ней больше не пишу. Листы чистые, только с одной стороны.

Он взял книгу, вернулся в каморку и сел у полосы лунного света. Открыл на первой чистой странице, подумал и написал углём, крупно, как писали в цеху на щитах:

МЕЛЬНИЦА. ЗИМА.

Потом, ниже, стал писать по пунктам.

Лоток — три течи, прокладка и два хомута, полдня. Деготь на подпятник — до морозов, иначе поведёт снова. Колесо — проверить спицы, две, кажется, треснули. Плотина — подсыпать камень у правого берега, весной. Жёлоб второй — расшить, поставить второй постав, тогда мука вдвое, а может, и втрое. И сразу под этим, мелко, в скобках: разрешение на одну мельницу, на второй постав нужно новое, спросить Ольгерда. И ещё мельче: спросить цену заранее, не после.

Он писал и чувствовал, как внутри у него что-то встаёт на место. Всю жизнь он так работал: сначала список, потом смета, потом сроки, и когда всё это было на бумаге, дело переставало быть страшным и становилось работой.

Когда он кончил, лист был исписан до половины, и уголь стёрся до огрызка.

Он перечитал. Потом нашёл свободное место внизу и приписал ещё одну строку, которую никому не собирался показывать:

Допуск. Свой. Не в заём.

Он закрыл книгу, положил её под тюфяк и лёг. За стеной шумела вода, в щели было видно звёзды, и он впервые за два дня почувствовал, что стоит на чём-то твёрдом.

Утром Велена спросила:

— Что ты там писал всю ночь?

— Смету.

— Какую ещё смету?

— На весну, — сказал Сергей. — И на зиму. Я тебе потом покажу, только ты не ругайся.

Велена посмотрела на него странно и пошла открывать лоток.

А он взял лопату и пошёл к зерну, и в голове у него уже был порядок: сначала лоток, потом колесо, потом разговор с Ольгердом, а второй жёлоб — когда будет бумага. Или раньше.

Глава 6

Лар пришёл на мельницу вечером, когда помол уже кончился и Гриш подметал мучную пыль у жерновов.

Он стоял в дверях, огромный, в кожаном нагруднике, и не входил, пока Велена не сказала:

— Заходи, чего стоишь.

Тогда он вошёл, оглядел мельницу, жернова, лоток, мешки, и кивнул.

— Работает, — сказал он.

— Работает, — согласилась Велена.

— Ты, — сказал Лар, повернувшись к Сергею. — На варницах подъёмник встал. Рассол не идёт. Смена стоит.

Сергей вытирал руки паклей.

— А Ключ?

— Ключ сказал: тридцать медяков и два дня. — Лар помолчал. — У нас два дня нет. Рассол в чанах остынет, и соль будет комом. Тогда нам конец.

— А мастер из города?

— Цеховой за тридцать не поедет. За сорок, может, поедет, только у нас сорока нет. — Лар смотрел на него прямо. — Ты вал поставил. Ты можешь.

Велена стояла у лотка и вытирала руки о фартук, и по тому, как она это делала, Сергей понял, что она всё слышала и уже всё решила.

— У тебя разрешение на одну мельницу, — сказала она.

— Я помню.

— Если ты туда пойдёшь, это уже не одна мельница.

— Я помню, — повторил Сергей.

Лар перевёл глаза с неё на него и обратно, но ничего не сказал, потому что понимал, что это не его разговор.

— Сколько дадите? — спросил Сергей.

— Скажи сам.

— Пять медяков за осмотр. Если починю — ещё пятнадцать.

— Двадцать всего? — Лар подумал. — Ключ просит тридцать.

— Ключ просит тридцать и ждёт два дня. Я беру двадцать и приду утром.

Лар посмотрел на Велену, будто спрашивая разрешения, и Велена отвернулась к лотку.

— Утром, — сказал Лар. — Я тебя у моста жду. Солнце встанет, я там.

Он ушёл, и в мельнице стало тихо.

— Ты дурак, — сказала Велена.

— Может быть.

— Не «может быть». — Она обернулась. — Ты дурак, и тебя за это выпишут. У тебя бумага на одну мельницу, а варницы в перечне Ключа, я тебе точно говорю. Там оберег, там подъёмник, там всё их.

— Я знаю.

— И что тогда?

Сергей сел на мешок.

— Тогда я заработаю двадцать медяков и заплачу штраф, если выпишут, — сказал он. — А если не пойду, то у меня шесть медяков в день, из них два Ключу, и до весны я не соберу ни на инструмент, ни на жетон. Ты сама считаешь лучше меня.

Велена открыла рот, чтобы ответить, и закрыла.

— И потом, — сказал Сергей. — Они там работают в жаре, и у них смена стоит. Я знаю, как это, когда смена стоит.

Велена долго смотрела на него.

— Ты не дурак, — сказала она наконец. — Ты хуже.

Утром он вышел до солнца.

Варницы стояли ниже по реке, за мысом: низкие сараи с высокими трубами, чаны под навесами, штабеля соли под рогожами, и над всем этим висел густой белый дым, который не поднимался в небо, а стелился по земле и пах так, что щипало в носу.

Лар ждал у моста, как обещал.

— Пошли, — сказал он.

Шли берегом. Чем ближе, тем жарче становилось, и Сергей распустил ворот. По дороге навстречу попадались орки с мокрыми от пота спинами, в кожаных фартуках, и они провожали его взглядами, но никто ничего не говорил.

У ворот сарая стоял орк постарше, с седой щетиной и с рукой, висящей на перевязи.

— Гарм, — сказал Лар. — Старшина.

Гарм посмотрел на Сергея сверху вниз.

— Он? — спросил Гарм у Лара.

— Он.

— Мальчишка.

— Он вал поставил на мельнице, — сказал Лар. — За ночь. Без мага.

Гарм перевёл на Сергея глаза, и в них было то же, что у Лара: внимательное, тяжёлое, без злобы.

— Смотри, — сказал он и отступил в сторону.

Сергей вошёл в сарай.

Внутри было жарко так, что воздух стоял, как вода. Вдоль стены тянулись чаны, в них густел рассол, и от чанов шёл пар. В дальнем конце стоял колодец, а над ним — железная рама с насосом: труба, поршень, шатун, и от рамы к стене уходил толстый кабель, обмотанный тряпкой.

Кабель был не живой. Сергей понял это сразу, хотя раньше не видел ничего подобного: от него шло слабое, ровное тепло, как от провода под напряжением, и в ушах у Сергея появился тонкий, ноющий гул, который он слышал раньше только у напорной башни.

Он подошёл к раме и положил на неё ладонь.

И тогда гул стал громче.

Сергей замер. Он стоял с ладонью на железе, и через железо, через раму, через кабель в стену уходило что-то, чего он не мог назвать словами, и это что-то текло неровно. Оно

текло, как вода в дырявом шланге: ровно, ровно, а потом раз, и провал, и опять ровно.

— Ты чего? — спросил Лар.

— Тихо.

Сергей закрыл глаза и повёл рукой вдоль рамы, не касаясь, и гул отвечал ему: сильнее у стены, слабее у насоса, и где-то под полом, у самого колодца, он уходил вниз, в землю, и там пропадал.

Он открыл глаза.

— Тут сила уходит в землю, — сказал он.

Гарм и Лар переглянулись.

— Куда уходит? — спросил Гарм.

— В землю. Вот здесь, под рамой. — Сергей присел, посмотрел на пол, на доски, на то место, где рама крепилась к настилу, и увидел. — У вас рама на железе сидит, а под ней сыро. Вот заземление и потекло. Сила идёт не в насос, а в землю.

Он поднялся и вытер руки.

— И ещё у вас поршень сухой, — сказал он. — Он потому и встал. Он не сломался. Его просто заело, потому что сила до него не доходит, а без силы он не тянет.

Гарм долго молчал.

— А Ключ сказал, что подъёмник сгорел, — сказал он.

— Ключу выгодно, чтобы он сгорел, — сказал Сергей. — Новый подъёмник стоит дороже ремонта.

Гарм посмотрел на раму, на кабель, на сырой пол.

— Сколько времени? — спросил он.

— До обеда. Мне нужны сухие доски, кожа, сало и кто-нибудь, кто подержит раму.

— Лар, — сказал Гарм.

Лар кивнул.

Работа была тяжёлая. Раму сняли вдвоём, и она оказалась тяжелее, чем выглядела: под ней была вторая рама, вросшая в настил, и всё это вместе сидело на железе, а железо лежало на сыром полу, в луже.

— Вот, — сказал Сергей, показывая Лару. — Сила идёт по железу и уходит в воду. Ей проще в землю, чем в поршень.

— Это можно починить?

— Это надо было поставить правильно.

Он поднял раму на сухие дубовые подкладки, проложил кожей, где железо касалось железа, и заново прикрутил крепления, подтягивая по очереди, крест-накрест, как подтягивают головку блока. Потом разобрал поршень, вычистил его от старой, загустевшей смазки, набил салом и собрал обратно.

Лар держал, подавал и молчал. Один раз он сказал:

— Ты не боишься.

— Чего?

— Железа этого. Оно ж живое.

Сергей посмотрел на кабель, от которого шло тепло.

— Оно не живое, — сказал он. — Оно как провод. Только толстый.

— Маг говорит, что оно живое.

— Магу выгодно так говорить.

Лар хмыкнул.

Когда рама встала, Сергей положил на неё ладонь и прислушался. Гул был ровный: ровный, ровный, ровный, без провалов. Он пошёл дальше, к самому колодцу, и там гул был ровный тоже, и под полом больше не проваливался.

— Пробуйте, — сказал он.

Гарм махнул рукой, и орк у чанов потянул рычаг. Помпа дрогнула, поршень пошёл вниз-вверх, труба ухнула, и из неё в жёлоб пошёл рассол, густой, серый, с шумом.

Орки у чанов выпрямились. Молодой, который стоял ближе всех, сказал что-то на своём, коротко и гортанно, и старый, с седой щетиной, ответил ему, и по сараю пошло что-то, что было не словами, а выдохом на весь сарай.

— Идёт, — сказал Лар.

— Идёт, — сказал Сергей.

— Пойдём, — сказал Гарм. — Покажу печь, пока не остыло.

Печь была в соседнем сарае, и там было ещё жарче. Длинная, кирпичная, с чугунной плитой сверху, она тянулась вдоль стены, и над ней висел пар. Возле дальнего края стоял молодой орк, лет двадцати, и держал ладонь на тряпице, привязанной к камню у основания трубы.

Тряпица была серая, обмотанная вокруг чего-то твёрдого, и от неё шёл тот же гул, что от рамы подъёмника, только

тише и злее.

— Тхор, — сказал Гарм. — Сын моего брата.

Тхор не обернулся. Он стоял, наклонившись, и дышал тяжело, и Сергей увидел, как у него дрожит плечо — не от усталости, а от чего-то другого, что шло изнутри.

— Что он делает? — спросил Сергей.

— Держит оберег. — Гарм кивнул на тряпицу. — Печь без оберега нельзя, соль пойдёт комом. Маг приходит раз в месяц, а держать надо каждый день. Он и держит.

— Сколько?

— Третий год.

Сергей подошёл ближе. От тряпицы шло тепло, ровное, как от утюга, и гул в ушах стоял тонкий, ноющий, как комар.

— Ты можешь отпустить? — спросил он.

Тхор повернул к нему голову. Глаза у него были мутные, и в них уже не было того, что Сергей видел у молодых парней в цеху, — не было интереса, не было злости, не было ничего, кроме тяжёлого, ровного, как у вола, который тянет плуг.

— Нельзя, — сказал он. — Тогда печь встанет.

— А если на минуту?

— Нельзя, — повторил Тхор и снова отвернулся.

Гарм тронул Сергея за локоть.

— Он уже не может, — сказал старик тихо. — Он забыл, как это. Ему говорят: держи. Он держит.

— И что с ним будет?

— Через год-два снимем. — Гарм смотрел на племянника

и говорил ровно, будто читал по бумаге. — Сначала он будет злиться. Потом перестанет спать. Потом сломает что-нибудь. Тогда его поведут в яму, а потом в степь. Как всех.

Сергей стоял и смотрел на тряпицу.

— А если её переставить? — спросил он.

— Что?

— Оберег. — Он показал на камень у основания трубы. — Он у вас на самой трубе, где жар. Он потому и держит так слабо, что жар ест силу быстрее, чем он её даёт. Если переставить его на холодную сторону и пустить по камню, а не по железу, — Тхор будет тратить вдвое меньше. Может, втрое.

Гарм молчал.

— Это не моя работа, — сказал Сергей. — Я не знаю ваших… — он поискал слово, — обрядов. Но я знаю, как идёт тепло. Тут сила идёт хуже, чем могла бы.

Тхор повернул голову.

— Ты кто? — спросил он, и в голосе у него впервые что-то появилось.

— Мастер.

— Мастер, — сказал Тхор и усмехнулся, и усмешка вышла кривая, как у человека, который давно не улыбался. — Мастер из города. Пришёл сказать, что маг ставил неправильно.

— Маг ставил как удобнее, — сказал Сергей.

— Иди ты.

— Тхор, — сказал Гарм.

Тхор замолчал, но продолжал смотреть на Сергея.

— Силу надо экономить, — сказал Сергей. — Как уголь. Ты её тратишь, а она уходит в трубу, в железо, в жар. Её можно тратить меньше и делать то же самое. — Он помолчал. — Я бы попробовал. Но я не стану ничего делать без твоего согласия. Это твоя печь и твоя сила.

Тхор долго молчал. Потом сказал:

— Попробуй.

Гарм положил руку ему на плечо.

— Не сейчас, — сказал старик. — Сегодня у нас помпа. Печь — потом.

Тхор отвернулся и снова положил ладонь на тряпицу, и Сергей увидел, как его плечо опять дрогнуло.

Они вернулись к раме.

Он стоял у рамы, испачканный в сале и в рассоле, и смотрел, как идёт рассол. Он видел это тысячу раз: как идёт вода из насоса, как поднимается давление, как стрелка на манометре встаёт на место. Здесь манометра не было, но было то же самое, и он поймал себя на том, что улыбается.

Гарм подошёл и встал рядом.

— Спасибо, — сказал он.

— Сначала деньги.

— Правильно. — Гарм достал из-за пазухи мешочек, отсчитал и вложил ему в руку двадцать медяков, один за другим, чтобы он видел, что их ровно двадцать. — Считай.

Сергей пересчитал.

— Верно.

— Теперь слушай. — Гарм кивнул на сарай. — Мы артель. У нас двенадцать орков, две смены, сорок чанов. Мы платим Ключу за оберег и за воду каждый месяц, и мы платим с соли. Когда соль не идёт, мы платим из долга. Долг растёт. — Он помолчал. — Когда долг вырастет до того, что мы не заплатим, Ключ забирает варницы. Так он забрал уже две артели ниже по реке.

— И что вы?

— Работаем. — Гарм пожал плечами. — У нас нет цеха, у нас нет бумаги. Нам не дают мастера. К тебе мы не пошли бы, если бы не Лар.

Сергей посмотрел на Лара. Тот стоял у стены, скрестив руки, и смотрел в пол.

— У меня одна мельница в разрешении, — сказал Сергей. — Мне за это уже грозят.

— Мы заплатим больше, — сказал Гарм. — Не двадцать. Тридцать, как Ключу, только тебе, а не им.

— Мне надо подумать.

— Думай. — Гарм кивнул. — Только думай быстро. У нас на неделе печь поведёт, а печь без мастера — это не помпа. — Он помолчал. — И ещё. Ключ узнает. Он всегда узнаёт.

— Я знаю.

— Тогда ты не мальчишка, — сказал Гарм. — Мальчишка бы не знал.

Он повернулся и пошёл к чанам, и орки у чанов подвину-

лись, давая ему дорогу.

Лар пошёл его провожать.

Шли берегом, против течения, и ветер с реки был холодный и мокрый. Сергей шёл и считал: двадцать медяков, минус два Ключу, минус прокладка на лоток, минус плашка. Выходило, что до весны он всё-таки дотянет, если будет по два заказа в месяц.

— Лар, — сказал он.

— Ну.

— Ты говорил, что ты не синий.

Лар шёл молча шагов двадцать.

— Был, — сказал он.

— В Службе?

— Восемь лет.

Сергей не стал спрашивать. Он уже понял, что здесь не спрашивают, а ждут.

— Держал обереги, — сказал Лар. — На складах, на варницах, на плотине. Хорошо держал. Меня ставили, где потяжелее.

— А потом?

Лар остановился. Он повернул руку ладонью вверх, и Сергей увидел на ней шрам: длинный, от большого пальца к мизинцу, светлый, как натянутая верёвка.

— Потом один оберег не выдержал, — сказал Лар. — Ночью, в мороз, на плотине. Я держал, а он рвался. Я держал, а он всё равно рвался. — Он сжал руку в кулак. — Я тогда не

помню, что было. Помню, как меня водой отливали.

— И сняли?

— Сняли. — Лар пошёл дальше. — Сказали: перетянул. Дали бумагу и вывели за ворота, чтобы не позорить. Хорошо хоть в город не запретили возвращаться.

— Ты поэтому на разгрузке.

— Я поэтому везде, где берут, — сказал Лар. — Орку без бумаги только мешки.

Они дошли до моста. Лар остановился.

— Тхор, — сказал он. — Он хороший. Глупый, но хороший. Если ты правду сказал про оберег, — он посмотрел на Сергея, — приди и переставь. Не жди, пока Гарм решит.

— Гарм сказал: потом.

— Гарм боится. — Лар сплюнул в воду. — Он старый, он видел, как их забирают. Он думает, что если не трогать, то и не заберут. А их всё равно забирают.

Он протянул руку, и Сергей пожал её: ладонь у Лара была твёрдая и сухая, как доска.

— Приду, — сказал Сергей.

— Приходи, — сказал Лар. — И вот ещё что. — Он уже повернулся уходить, но остановился. — Когда будешь переставлять, держи за камень, а не за железо. Железо помнит.

— Что помнит?

— Всё, — сказал Лар и пошёл назад, к варницам.

Сергей стоял на мосту и смотрел, как он уходит: большой, сутулый, в кожаном нагруднике, и соль на его спине белела,

как изморозь.

На мельницу он вернулся к вечеру.

Велена встретила его во дворе, посмотрела на его руки, на сало под ногтями, на рассол на рукаве и сказала:

— Ну?

— Починил.

— Сколько?

— Двадцать.

Он высыпал медяки на стол. Велена пересчитала их, не торопясь, и отложила два в сторону.

— Это Ключу, — сказала она. — За завтра.

— Знаю.

— А эти, — она подвинула остальные к нему, — твои. Спрячь, не носи в кармане, тут карманы режут.

Сергей убрал медяки в котомку.

— Гарм зовёт ещё, — сказал он. — У них печь поведёт. Тридцать медяков.

Велена поставила на стол горшок и села напротив.

— Ты меня не слышишь, — сказала она. — Я тебе простым языком говорю: у тебя бумага на одну мельницу. Одна. На варницах тебя уже видели.

— Меня видели многие, — сказал Сергей. — На разгрузке, на рынке, в конторе.

— Это другое. — Она постучала пальцем по столу. — На варницах ты работал. Там синие бывают каждый день, они приходят за оберегом. Кто-нибудь скажет: а что это за парень

с рамой? И всё.

— Тогда я возьму тридцать и заплачу штраф.

— А если не штраф? — Велена наклонилась к нему. — Ты знаешь, что бывает за работы без допуска на варницах? Там перечень Ключа. Там не штраф, там конфискация и выдворение. Тебя выведут за ворота, и жетон твой кончится, и мельница моя кончится, потому что у меня тогда одна поставка и вал на дегте, и весной меня заберут.

Сергей ел и молчал.

— Ты думаешь, я за себя? — сказала Велена тише. — Я за себя тоже. Но я тебе говорю, что будет, а не то, что мне нравится.

— Я знаю, что будет, — сказал он. — Ты не понимаешь. Мне не прожить на шесть медяков, из которых два отдаю Ключу. Мне не собрать на жетон, не купить инструмент, не перебрать подпятник весной. Я так и останусь при мельнице, при тебе и при твоих шести медяках, пока ты меня не выгонишь или пока Ключ не заберёт всё вместе со мной.

Велена откинулась на спинку.

— Значит, ты уже решил.

— Я решил, что сначала посчитаю. — Он отложил ложку. — У Гарма двенадцать орков. Если я буду работать у них по тридцать медяков за заказ, я за месяц соберу на жетон, на инструмент и на подушку до весны. А потом пойду к Ольгерду и буду с ним говорить не как без роду, а как мастер, у которого есть деньги и работа.

— А если Ключ узнает раньше?

— Тогда я буду говорить с ним раньше.

Велена долго молчала. Потом встала, взяла горшок и понесла к печи, и он услышал, как она сказала себе под нос что-то вроде «дурак» и «хуже».

В дверь постучали.

Стучали не как соседи: коротко, два раза, и потом ещё раз, будто проверяли, есть ли кто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.